

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Ты уверен,
что сам управляешь своим разумом?*

*Коллекционер
желаний*

Игры чужого разума

Николай Зорин

Коллекционер желаний

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зорин Н.

Коллекционер желаний / Н. Зорин — «Эксмо», 2017 — (Игры чужого разума)

ISBN 978-5-699-96745-2

Только-только в личной жизни Кати наметились приятные изменения: она встретила весьма привлекательного мужчину и решила наконец бросить своего нелюбимого мужа. Оставалась самая малость – прощальный ужин с Вадимом в день его рождения. Если бы она знала, чем это кончится!.. Тишину дачного поселка разорвал выстрел. Вадим пошатнулся и упал на засыпанную снегом дорожку... Приехавшие гости с ходу обвинили в убийстве Катю. А потом перед ними появился клоун в белом, с пистолетом в руке и кровавым пятном на груди... Вадим! Это был розыгрыш! Вернувшись домой, Катя надеялась утешиться в объятиях Михаила, но обнаружила... бездыханное тело любимого. Неужели снова дурная шутка? Или страшная правда?..Ранее роман издавался под названием «Ремейк последнего желания»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96745-2

© Зорин Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Часть II	37
Глава 1	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Надежда и Николай Зорины

Коллекционер желаний

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

Глава 1

Рвать так рвать! Чего уж тут расшаркиваться. С самого начала нужно было действовать более решительно. А теперь все, что от нее требовалось, – твердо и жестко отказать. Она не должна была соглашаться на этот прощальный ужин. Ни при каких обстоятельствах. Ни ему, ни ей это все равно бы уже ничего не дало, кроме новой порции мучений, взаимных обвинений и препирательств. Агония расставания и так растянулась почти на полгода. Но она опять не смогла отказать и согласилась. Если бы она знала, чем все закончится, если бы знала!

Вадима, своего бывшего мужа, Катя Васильева не любила никогда. Но так получилось, что именно он однажды оказался в нужном месте, в нужный час, когда Катя, обессиленная несчастьями, особенно нуждалась в чей-либо поддержке. А он, Вадим Злотник, не только поддерживал тогда Катю, но и явился своего рода ее ангелом-спасителем. Спас от себя самой и от навалившихся на нее несчастий, чтобы потом сгрести в охапку и выдать за себя замуж. Тогда Кате было все равно. Но ведь всю жизнь «все равно» быть не может.

Наверное, она должна была испытывать к нему благодарность, ощущать себя осчастливленной им, возможно, она не имела права его не любить и приговорена была жить со своим спасителем всю оставшуюся жизнь и умереть с ним в один день. Но ни благодарности, ни любви Катя к Вадиму не испытывала, а два года, прожитые вместе, воспринимала как бесконечный кошмар. Но конец все-таки настал. Когда жить с Вадимом стало совсем невозможно, она вдруг познакомилась с Мишей.

В тот вечер Вадим задержался на работе. Периодически он названивал из своей гостиницы, хозяином которой являлся, говорил, что через полчаса приедет домой, но по прошествии получаса так и не появлялся, а вместо этого снова раздавался звонок, и Вадим объяснял, что возникли новые непредвиденные дела и он задержится. К его приезду Катя всегда долго готовилась, собирала всю свою волю, чтобы ни на лице, ни в интонациях голоса не отражалось ее истинного к нему отношения – раздражения, переходящего то в отвращение, то в прямую ненависть. Раздражал он ее всегда, без всякой причины, а уж когда имелась хоть самая незначительная причина, раздражение в Кате просто клочкотало, доводя ее до тихой истерики, до дрожи, до помешательства. Но Катя по возможности старалась не показывать этого. Наверное, Вадим все-таки догадывался о ее чувствах, и потому, чтобы не застать врасплох, всегда предупреждал звонком по телефону о своем появлении.

Когда Вадим позвонил в четвертый раз, Катя не выдержала. Ну сколько можно замораживаться и оттаивать, умирать и возрождаться? Не договорив с мужем, она бросила трубку и выбежала из квартиры.

В ларьке возле остановки Катя купила баночку пива и, чтобы немного успокоиться, решила посидеть где-нибудь в тишине и покое. Завернув в скверик, она присмотрела скамейку, свободную и хорошо освещенную. И тут появился он...

Михаил Анатольевич, Михаил, Миша, Мишенька – этапы их отношений: знакомство, сближение, близость, краткие порывистые встречи, робкое, стыдливое счастье, мечты о вечном блаженстве вдвоем, только вдвоем.

Но как же мешал Вадим!

Катя долго не могла решиться рассказать все мужу и одним ударом разрубить невыносимые отношения. А когда наконец рассказала и нашла в себе силы от него уйти, выяснилось, что Вадим – не единственное препятствие к их счастью. Михаил тоже оказался не свободен. И

тоже был женат на женщине, которую никогда не любил, отношениями с которой тяготился, но бросить которую пока не мог.

«Я не могу ей пока об этом рассказать, Катенька, она просто умрет, понимаешь?» – оправдывался Миша.

Катя понимала, еще как понимала. Ведь Вадим ее шантажировал тем же. Он и после их окончательного разрыва бродил неприкаянной тенью, уговаривал вернуться, заламывал руки и грозил самоубийством. В самоубийство Катя не верила, но выносить постоянные его стенания было невозможно.

Господи! Как она их ненавидела. И боялась.

У Нинели Эдвиновны была какая-то похожая на Катину история в прошлом, а Миша повторил в свое время путь Вадима, оказавшись в том месте и в тот момент, когда Нинель, обессиленная какими-то своими несчастьями, бросилась к нему, а он не мог ее не спасти, не сгрести в охапку и не выдать за себя замуж. За одним исключением, что любить он ее не любил, а просто пожалел.

А может, и не было никакой истории, все эта стерва тогда выдумала, просто для того, чтобы охмурить Мишу, ее Мишу. Чтобы потом, через чертову прорву лет, встать препятствием на пути к их счастью, вползти гюрзой в их отношения, обвинявая холодным скользким кольцом, и довести ее, Катю, до дикого, сумасшедшего отчаянья.

Впрочем, Екатерина Васильева, как взрослый, разумный человек, понимала, что все это не совсем справедливо. Бедная Нинель Эдвиновна никуда не вползала, ничего не разрушала, а занимала свое место по праву. Это Катя вторглась на чужую территорию, дезертировав со своей, с которой по всем моральным законам уходить не имела права. Это она во всем виновата, а вовсе не Нинель, и уж тем более не Вадим.

Но все это дела не меняло. Страх перед ветхозаветной Нинелью Эдвиновной не становился меньше, вина перед Вадимом не делалась меньше, кошмар их незримого присутствия не переставал быть кошмаром.

Полгода кошмара. Полгода отчаянья. Полгода невероятного счастья, надежд, полной безнадёжности.

А потом Вадим исчез, перестал ее преследовать. Катя вздохнула с облегчением: хоть с одним решилось. Наверное, он в конце концов понял, что никакие уговоры и угрозы не помогут, и отступился. Она уже начала понемногу успокаиваться на его счет, как вдруг...

Если бы она знала, чем все это кончится, если бы знала!

Он появился однажды утром, подкараулив ее в подъезде. На этот раз выглядел он вполне нормально, рук не заламывал, говорил спокойно, пообещал, что даст развод, заверил, что больше не будет ее преследовать, и даже намекнул на какое-то свое новое увлечение, но просил о прощальном ужине на даче, 25 октября, в день его рождения.

Катя не смогла ему отказать, разве можно отказывать в последней просьбе кому бы то ни было: будь то приговоренный к казни преступник, будь то приговоренный к разводу муж.

Если бы она знала!

...Неожиданно и совершенно не по сезону выпал снег, обильный и липкий. Вадим заехал за ней днем, после обеда, на своем новом джипе, вылизанном, несмотря на слякотную погоду (дороги совершенно развезло), до неправдоподобного блеска, даже колеса сверкали идеальной чистотой.

В машине ее укачало. Катя пожаловалась Вадиму, но он обиженно сказал, что она просто капризничает: бензином не пахнет и не трясет, да и ехать не так долго, но, если она хочет, он может остановиться, они выйдут, немного прогуляются, подышат воздухом. Сам-то он был без ума от своего тарантаса, такого новенького, такого еще необжитого – необъезженного. «Ну что ж, – подумала Катя, – джип вполне заменит ему неверную жену, Вадим быстро утешится. Уж

не это ли его новое увлечение?» Чтобы не оскорблять в лучших чувствах мужа, выходить из машины Катя не стала, только опустила до половины стекло и подставила лицо под воздушный поток.

Тошнота свернулась в желудке маленькой подлой змейкой и настороженно задремала, в любой момент готовая проснуться. Лишь бы не трянуло, лишь бы не было этих ужасных спусков, когда дорога идет под гору.

Катя сложила руки на животе, убаюкивая тошноту.

Нет, за тем поворотом точно пойдет под гору, и тогда...

Она хорошо помнила дорогу. Они столько раз приезжали сюда за те два года, что прожили вместе. Любой праздник – день рождения, именины, ее и Вадима, Новый год, годовщины свадьбы и знакомства – они справляли в этом загородном доме. А летом так и без всякого повода заваливались сюда шумными компаниями или просто вдвоем. Катя предпочитала приезжать с народом, хоть и терпеть не могла шума. Чем дальше, тем труднее ей было выдерживать Вадима наедине. Он был хорошим, заботливым, любящим мужем, пекся лишь о том, чтобы она, Катя, была счастлива, чтобы ни одно ее желание не осталось невыполненным. Но, черт его знает почему, Вадим не вызывал в ней никаких добрых чувств, а только глухое раздражение.

Машину трянуло. Змея недовольно заворочалась в желудке. Катя, зажав рот рукой, судорожно стала шарить по сиденью в поисках пакета.

Слава богу, ложная тревога. Змея улеглась, поворочалась немного, устраиваясь поудобней, и вновь задремала.

Вадим подбадривающе улыбнулся Кате в зеркальце, но не обернулся. Он был дисциплинированным водителем, никогда не отвлекался от дороги.

...Первый Новый год, который они праздновали на даче, был действительно счастливым. И Вадим совсем ее не раздражал. Прямо перед домом росла огромная старая ель. Каждый из приехавших гостей привез свой комплект елочных игрушек, но их все равно не хватило. Тогда принялись украшать елку чем придется, даже бутылки с шампанским подвесили, даже фрукты пошли в ход. Особенно красиво смотрелись апельсины.

– Ты знаешь, я пригласил народ, – сказал вдруг Вадим. – Все-таки у меня день рождения.

– Народ? Какой народ? Зачем?

– Ну какой? Всех наших: Ленчика с Ленкой, Тыча, Алика с Лилей, Риту.

Наших! Неужели Вадим все еще объединяет их в одно целое, неужели он так и не понял, что никаких «наших» больше не существует, есть «его» и «ее» – знакомые, вещи, жизнь.

– Ты же говорил, прощальный ужин. Зачем было всю эту кофлу сюда тащить?

– Ну да, прощальный ужин. Но с чего ты взяла, что он обязательно должен быть ужином на двоих?

– Мне казалось, это естественно. Почему ты не сказал мне, что будет еще кто-то? Я бы тогда...

– Все правильно, ты бы тогда не согласилась поехать.

– Конечно, не согласилась бы. Ты меня просто обманул.

– Да? – Вадим опять посмотрел на нее в зеркальце, не оборачиваясь. – По-моему, это ты меня обманула. Ты бросила меня, сбежала со своим этим...

– Ладно, не будем начинать все сначала. Давным-давно уже все выяснили. – Катя отвернулась к окну, чтобы не встречаться взглядом в зеркале с Вадимом.

– Ты всегда была ко мне несправедлива и никогда не любила меня.

Господи, ну чего он нудит? Сколько же можно талдычить одно и то же! Ну, конечно, он прав, а она во всем виновата. Но ведь Катя и не спорит, свою вину вполне признает. И на этот ужин его прощальный согласилась поехать.

Может, и хорошо, что Вадим позвал народ, оставаться с ним наедине сегодня совсем было бы невозможно.

Они въехали в дачный поселок. Этот недостроенный новорусский городок и летом был пустым и необжитым. Двух- и трехэтажные дома за высокими каменными заборами выстроились ровными рядами. Ни магазинов, ни даже коммерческих ларьков не было. Хозяева домов появлялись здесь наездами, постоянно не жил никто. Сейчас, поздней осенью, занесенный ранним снегом поселок выглядел и совсем неуютно. Ни одного человека им не попалось навстречу, на нетронутом снегу не было видно следов. Вполне возможно, что в данный момент они были единственными его обитателями. Кате стало даже жутковато, и она опять подумала, что приезд шумной компании не такая плохая идея.

Выгрузившись из машины, девушка немного потопталась, разминая ноги и затекшее тело, отдышалась от бензинового перегара и пошла к дому. Он тоже был, как и все строения вокруг, вычурно-новорусским: очень большой, с высоким крыльцом на восемь ступеней, с литыми чугунными перилами, массивной дубовой дверью, с зелено-красной крышей.

– Помнишь, как мы здесь елку украшали? – Вадим грустно посмотрел на Катю. Она ничего не ответила, дернула ель за лапу, стряхивая снег. – Катюша, милая, неужели тебе не жалко всего этого?

– Вадим, я прошу, не надо. Что было, то было. Сейчас уже ничего не изменишь.

– Думаешь? – Вадим как-то странно зло усмехнулся. – Как знать, как знать.

Он долго возился с замком. Нарочно долго, как показалось Кате. Наконец дверь поддавалась, и они вошли в дом.

Судя по всему, сюда давно никто не приезжал. Дом выглядел нежилым и чужим. Здесь было так же холодно и сыро, как на улице, и полностью отсутствовали запахи.

– Сейчас я включу отопление, а потом выгружу из машины продукты. Приготовим что-нибудь на скорую руку, там в основном полуфабрикаты.

– А когда народ соберется?

– Через час-полтора. У нас будет время все приготовить и немного посидеть вдвоем. Я так по тебе соскучился! Если бы ты знала, Катюша. – Вадим до боли сжал ее руку.

Пожалуй, она не рассчитала своих сил: полтора часа таких истерических рыданий и рукопожатий она не выдержит. Ну что Вадим за нудный человек? Ведь все ясно, зачем в тысячный раз возвращаться к старому.

Полгода он ходит вокруг нее кругами, полгода выпрашивает то, чего дать она ему не может. Казалось бы, с лихвой хватило прощания, жуткого, душераздирающего прощания. На этом можно было бы и остановиться.

Ну вот, он опять улыбается своей жалкой улыбкой побитой дворняжки. Как и тогда, при прощании.

Он барабанил пальцами по стеклу, стараясь привлечь ее внимание, и все улыбался, улыбался. Катя сидела в машине, и таксист уже завел мотор, но Вадим не давал ей уехать. Он держался за ручку дверцы, барабанил по стеклу и ждал, когда она наконец повернется и посмотрит на него. Она повернулась и посмотрела. Только этого ему и надо было – Вадим впился, словно вампир в свою жертву, в глаза Кати взглядом обиженного юродивого. Может быть, он даже чуть-чуть преувеличил безумие, чтобы она запомнила его таким навсегда, чтобы его образ преследовал ее вечно... Он не мог понять, почему она уезжает, почему она разлюбила его, он не мог понять, что она его никогда не любила.

Наконец Вадим ушел.

Катя отправилась на кухню, включила плиту. Вряд ли что-то придется варить, наверняка закуски будут холодными, но на всякий случай – электроплита разогревается медленно.

Зашумела в батареях вода – это Вадим включил отопление. Ему еще нужно выгрузить сумки и расчистить на дорожке снег. Минут пятнадцать в ее полном распоряжении.

Катя прошла по первому жилому этажу дома – второй вот уже три года, с тех пор как приобрели эту дачу, оставался недостроенным, даже электричество не было проведено. А здесь оказалось все так же, как тогда, когда Катя приезжала в последний раз, полгода назад, словно холод и пустота законсервировали и мебель, и все вещи в этом временном пристанище праздников и случайных наездов. Голые, без постелей, кровати, холодные влажные стулья и диваны, столы без скатертей и полы без ковров – все выглядело мертвым и неудобным, все это следовало отогреть, пробудить к жизни. Хотя надо ли? В любом случае они пробудут в доме каких-нибудь несколько часов, от силы – до утра. Стоит ли стараться? Временное пристанище так и останется временным, да и лично к ней все эти вещи никогда уже не будут иметь никакого отношения.

Катя вернулась на кухню и поставила чайник. Вадим еще не приходил, сумок с продуктами не наблюдалось. Наверное, сначала решил расчистить снег. Ну и ладно, чем дольше его не будет, тем лучше.

Катя открыла шкаф и долго перебирала разнокалиберные баночки и коробочки, но ни чаю, ни кофе так и не нашла. Чайник закипел, но толку от этого никакого. Придется все-таки пойти поторопить Вадима с сумками – там наверняка есть и кофе, и чай.

Катя сняла с плиты чайник и вышла на улицу. Как она и предполагала, Вадим расчищал снег перед домом. Он был в одном свитере, черном, своем любимом, дубленка висела на перилах.

– А я тебя жду с продуктами, – ворчливо начала Катя, – снег можно и потом расчистить.

Вадим обернулся, шутовским движением отер со лба «трудовой» пот и, нарочито тяжело вздохнув, сказал:

– Трудотерапией занимаюсь. Отличное средство от стрессов и жизненных невзгод. Очень рекомендую на будущее. Я вот помахал немного лопатой – и на душе почти праздник. И даже тебя уже почти не люблю. – Он зашелся в долгом, больном, мучительном смехе, как в приступе кашля.

Кате стало его очень жаль, ей вдруг захотелось прижать Вадима к себе, как маленького, жестоко и несправедливо обиженного ребенка, утешить, приласкать. Она подошла к мужу, тихонько дотронулась до его разгоряченной щеки, но он резко отстранился, отбросил ее жалующую руку.

– Не надо, – зло проговорил он. – Не надо себя пересиливать. Тебе ведь всегда было неприятно прикасаться ко мне, а сейчас тем более. Сам справлюсь.

– Да я ничего...

– Вот ничего и не нужно. Пойду принесу сумки.

Вадим бросил лопату и направился к машине. Но дойти до нее не успел – абсолютную тишину безлюдного дачного поселка разорвал выстрел. Вадим вскрикнул, схватился за грудь, по инерции сделал шаг вперед, пошатнулся и рухнул на только что расчищенную дорожку.

Это было до такой степени нереально, невозможно, что Катя даже не сразу поняла, что произошло. Некоторое время она стояла с застывшей, бессмысленной улыбкой и смотрела на распростертое тело бывшего мужа. Потом нерешительно подошла к нему, позвала обиженно-испуганно:

– Вадик, ты чего?

Он ничего не ответил, не пошевелился и даже не застонал. Его неподвижность начинала пугать. Катя присела на корточки, дотронулась до плеча Вадима.

– Перестань, вставай, хватит дурачиться! – И в ужасе уставилась на свою руку – ладонь окрасилась липко-красным.

– Вадик! Вадик! – Катя обхватила плечи мужа и попробовала его приподнять. Голова Вадима безжизненно мотнулась в сторону. Снег под ним был таким же липко-красным, как и ее ладонь. Вадим был мертв. Убит.

Плохо соображая, что она делает, Катя принялась тереть ладонь о снег. Ей казалось, что, если смыть это красное, кошмар прекратится. Но он только начинался: неподвижное безжизненное тело мужа не оставляло в этом никаких сомнений.

Где-то вдалеке просигналила машина – наверное, приехали гости. Но имеет ли это теперь какое-то значение? Они тоже ничего не смогут исправить.

Катя села на снег рядом с телом Вадима и стала ждать. Чего? Она и сама не знала.

Машина приближалась. Надсадно ревел мотор, с трудом преодолевая снежную преграду. Катя повернула голову на этот звук, но из-за высокого забора ничего не увидела. Тогда она встала, открыла калитку и выглянула на улицу. Из-за угла выворачивала чужая серая «девятка». Нет, это не к ним, в какой-нибудь из соседних домов.

Машина подъехала к их даче и остановилась. Из нее вышел незнакомый мужчина лет тридцати довольно яркой внешности, в рыжей кожаной куртке. В руках он держал коробку, перевязанную ленточкой, – очевидно, подарок. Катя сделала шаг к незнакомцу, хотела что-то сказать, но не придумала что, и только судорожно всхлипнула. Мужчина улыбнулся ей и подошел к распахнутой настежь калитке.

– Здравствуйте, я Ренат, друг Вадима. Он ничего не рассказывал обо мне?

– Н-нет, – растерянно пробормотала Катя.

– А где же... – Взгляд его упал на распростертое на дорожке тело. Улыбка сползла с лица. Отшвырнув коробку, Ренат бросился к Вадиму.

Опустившись возле тела, мужчина попытался нащупать пульс, затем встал, стряхнул резким движением с коленей снег и, повернувшись к Кате, с ненавистью проговорил:

– Ты все-таки сделала это, стерва? Он ведь предупреждал меня, что так и будет. Убийца! Тварь! Опоздал! Ну надо же было так опоздать!

Катя в ужасе попятилась от него.

– Я не понимаю. Я... ничего не понимаю.

– Не понимаешь? – Ренат подскочил к ней, схватил за плечи, уставился ей в глаза пронзительным невыносимым взглядом.

Несколько секунд он смотрел на нее, сжимая плечи все сильнее, потом усмехнулся, отпустил ее и сказал:

– Говоришь, не понимаешь? Ну ладно, там будет видно.

Ренат снова присел над Вадимом.

– Нам нужно перенести его в дом.

– Он жив? – Катя с надеждой посмотрела на Рената.

– Жив? Какое там жив! Наповал уложила муженька. Прямо в сердце.

– Я? Вы думаете, что это я?

– Ну а кто же еще?

– Я не... Это не я!

– Как же не ты! А ведь он меня предупреждал.

– Как ты смеешь! – Отчаянье, дикая ярость поднялись в Кате, выливаясь в приступ ненависти к Ренату. Катя бросилась на парня. Но тот, словно ожидая нападения, увернулся, и девушка упала в снег. Вскочив, Катя снова бросилась на Рената, но тот снова увернулся, и она опять упала.

В бешенстве заколотив кулаками по снегу, Катя закричала:

– Я не убивала его! Не убивала! Слышишь ты, сволочь! Я не знаю, кто ты такой, я не знаю тебя. Но я не убивала Вадима.

– Кто я такой? – Ренат подошел к Кате и сел перед ней на корточки. – Я детектив. А нанял меня вот он, – Ренат кивнул на Вадима, – чтобы я предотвратил это убийство и вывел кое-кого на чистую воду. А знаешь, кто этот кое-кто? Нет? Это ты, моя дорогая.

– Нет! Не может быть! Я... Вадим считал?... Нет!

– У меня есть доказательства.

Все происшедшее казалось Кате каким-то диким, невозможным бредом.

– Я ничего не понимаю. – Девушка жалобно посмотрела на Рената и вдруг заплакала. Судорожно всхлипывая и раскачиваясь всем телом, она пыталась рассказать всю историю их отношений, начиная от знакомства и кончая разрывом. Да, она никогда его не любила, он раздражал, временами приводил ее просто в бешенство, но убить...

Она говорила быстро и сбивчиво, плохо понимая сама, что хочет сказать. Ей казалось, что, если она все это выскажет, что-то изменится, кошмар рассеется. Ведь не может же он длиться вечно! Тело мужа, неподвижно лежащее на снегу, этот ужасный Ренат... Она хотела убить Вадима? Она убила Вадима?! Вадим думал, что она его убьет?! Это какое-то наваждение. А наваждение должно рассеяться, уйти, убраться восвояси. Ему нет места в реальности. И потому Катя говорила и говорила, пытаясь словами изгнать этот ужас.

Выслушав ее сбивчивый монолог, Ренат смягчился. Он подал Кате руку, помогая подняться, и заговорил совсем другим тоном:

– Ну что вы, успокойтесь. Вас никто и не обвиняет. Пойдемте в дом и... Нужно все же перенести его, так нельзя оставлять.

Катя всхлипнула, махнула рукой и, не оборачиваясь, побежала к дому. Ренат поднял на руки тело Вадима и пошел следом за ней. Он отнес его в самую дальнюю комнату, положил на диван и прикрыл покрывалом, которое достал из стоявшего здесь же комода.

Катя сидела в гостиной на старом, расшатанном деревянном стуле. Голову она обхватила руками и, продолжая раскачиваться так же, как там, во дворе, что-то бормотала.

Ренат подошел к ней, положил руку ей на плечо. Катя вздрогнула. Подняв голову, она посмотрела на парня каким-то мутным, отсутствующим взглядом.

– Вам нужно выпить. У вас есть водка? – сказал Ренат.

– Что? – Его слова доходили до Кати словно сквозь какую-то преграду.

– Водка. Ну, или спирт, – повторил Ренат.

– А. Да. Там, в машине. Только ключи у... – Губы опять задрожали и искривились в гримасу плача, Катя не смогла выговорить имя мужа.

– Ладно, не надо. У меня в машине тоже есть водка. Подождите, я сейчас.

Ренат вышел. Катя некоторое время сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Затем встала и, как сомнамбула, не понимая, зачем она это делает, пошла в комнату, где лежал Вадим. Но у самой двери она вдруг резко повернулась и бросилась бежать. Катя выскочила из дому, пробежала двор и только у калитки остановилась. Из двух новоприбывших машин весело вываливались гости. Закрыв лицо руками, Катя бросилась назад, к дому.

Объясняться с ними, выслушивать их испуганно-горестные возгласы, терпеть их сочувствие? Нет, она этого не выдержит. Невыносимо, невыносимо!

Катя вбежала на второй, недостроенный этаж, спряталась в одной из пустых, без мебели, комнат. На улице уже начало смеркаться, минут через двадцать совсем стемнеет, и тогда ее здесь ни за что не найдут, во всяком случае не сразу, у нее есть время на то, чтобы гости переварили известие, перестали бы восклицать и поняли, что не стоит сегодня лезть к ней с расспросами.

Яркий луч света, пробившийся через окно, на секунду осветил комнату, поплыл, пересекая ее пополам, и замер в углу. Еще кто-то приехал. Наверное, Алик с Лилей, они всегда появляются позже остальных, а может, и Рита. Те, кто прибыл раньше, уже все знают, теперь узнают и эти. Ренат им расскажет, что Вадим убит, и сумеет их убедить, что убийца – Катя, приведет свои доказательства. Доказательства! Какие у него могут быть доказательства?

Луч света погас, мигнув на прощанье. Гости двинулись к дому, негромко переговариваясь.

Но кто в самом деле мог убить Вадима? Кто мог в него выстрелить в пустом, необитаемом поселке? Они были только вдвоем. Если бы кто-то приехал раньше и затаился где-нибудь в соседнем доме, остались бы на снегу следы от колес. Но никаких следов нигде не было, они ехали по совершенно ровному, нетронутому снегу, она обратила на это внимание. Да и кто знал, что они приедут сегодня на дачу? Вряд ли Вадим говорил об этом кому-нибудь, кроме тех, кого пригласил.

Ренат. Вот кто подозрителен. Кто он вообще такой? Сегодня Катя увидела его первый раз в жизни. Вадим никогда не рассказывал ни о каком Ренате. Хотя, если он не врет, если он действительно частный детектив, нанятый бывшим мужем для того, чтобы следить за ней, тогда, конечно, он и не стал бы ничего о нем говорить. Но почему Вадим решил, что Катя собирается его убить? Зачем ей его убивать? Ну да, она его не любила, ушла от него, хотела развестись, но убивать-то его зачем?

А может, Ренат только прикидывается частным детективом, а на самом деле он и есть убийца? Он появился сразу после того, как в Вадима выстрелили, и тут же стал обвинять ее. Наверняка так задумано было с самого начала. Кому-то нужно, чтобы Вадим был мертв, а Катю обвинили в убийстве. Кому это может быть выгодно? Ну, мало ли кому. Она об этом все равно скорее всего не узнает. Но исполнителем наверняка является Ренат.

Но тогда... Не прятаться здесь ей нужно, не сидеть в углу, а пойти все рассказать, и чем быстрее, тем лучше. Если Ренату удалось убедить народ, что Катя – убийца, то почему бы и ей не попытаться убедить их, что убийца – он. В конце концов, ее они знают давно, а этого Рената видят впервые.

Катя встала. От долгого сидения на корточках ноги затекли так, что она с трудом смогла сделать несколько шагов до двери. Но когда она взялась уже за ручку, дверь стала медленно открываться сама. Катя испуганно отступила назад.

Дверь открылась, и кто-то вошел. Катя замерла, вжавшись всем телом в стену. В комнате было уже совершенно темно, разглядеть, кто это, она не могла.

Вошедший плотно прикрыл за собой дверь. Стараясь двигаться бесшумно, Катя стала отступать в угол. Но тут под ногой у нее что-то хрустнуло. Вошедший повернул голову, прислушался и пошел на нее.

Катя хорошо знала эту комнату – ее размеры и расположение, точно такая же, этажом ниже, была когда-то ее спальней.

Темнота не мешала ей ориентироваться, скорее наоборот, была ее союзницей: он не видит ее, он не знает эту комнату. Вот только звук. Если бы можно было разуться и босиком прокрасться к двери... Но от сапог так быстро и бесшумно не избавишься.

Это Ренат. Без всякого сомнения, это Ренат. Он догадался о ее планах и пришел убить ее. Пока она не успела ничего рассказать остальным. Тихо в темноте перерезать ей горло, или раздробить голову, или... Стрелять он в любом случае не будет. Звук тоже его враг, хоть и помогает сейчас определить ее местоположение. Темнота тоже его союзница, хоть и мешает сейчас ему определить...

Щелкнув, вспыхнул свет. Он резанул по глазам, усыпленным темнотой, ослепил. Нет, она ошиблась, он не хочет брать темноту в свои союзницы. Наверное, потому, что это ее союзница. Она ошиблась, он убьет ее на свету, ошиблась...

Он наступал на нее, выставив вперед руку с зажженной зажигалкой. Катя сползла по стене, вжала голову в плечи, зажмурилась и приготовилась умирать. Ей даже не пришлось в голову закричать, позвать на помощь. Все ее чувства сосредоточились на одном этом ожидании – ожидании смерти.

– Катюша, – он дотронулся до ее плеча, – вставай. Ты чего здесь сидишь? Пойдем к нам. Нет, это не Ренат, это...

Катя открыла глаза. Перед ней на корточках сидел Тыч и светил зажигалкой.

Тыч. Старый, добрый Серега Тыч. Большой, надежный и сильный. Лучший из всех. Самый чуткий, самый понимающий.

Он подал ей руку, помогая подняться.

– Пойдем, Катюшка. Тебе нельзя здесь сидеть одной, в темноте. Мы тебя искали везде. Ты нас так напугала! И вот, оказывается, куда ты забилась. Там ребята, все наши, пойдем.

– Серега, Сереженька, – Катя уткнулась ему в плечо и заплакала. – Я... я не убивала Вадима. Поверь мне, пожалуйста, я не убивала. Ты мне веришь?

– Да, конечно, – голос Тыча стал вдруг отчужденным и фальшивым. – Ты успокойся.

– Как? И ты! – Катя вырвала у него руку и быстро пошла к двери.

– Подожди. Ты чего? – Тыч догнал ее, взял за плечо, но девушка сбросила его руку и решительно толкнула дверь.

Катя сбежала по лестнице на первый этаж и направилась к гостиной. Как она и думала, гости расположились именно здесь. За столом, на «председательском» месте, сидел Ренат и что-то втолковывал собравшимся. Вид у него был очень самоуверенный и важный. Но он сразу же замолчал, как только вошла Катя. Все повернулись и уставились на нее с каким-то жадным любопытством и нескрываемым восторгом ужаса. Ребята, ее друзья, их с Вадимом старые друзья. В их взглядах не было ни капли сочувствия, ни капли сомнения. Все в одну минуту поверили чужому человеку, все в одну минуту перескочили в чужой, враждебный лагерь. Все они считали ее убийцей. Разубедить их в этом будет невозможно. Любое ее слово будет для них лишь подтверждением ее вины. Ну да, убийца и должен оправдываться, убийца и должен валить все на кого-то другого.

Катя обвела взглядом их лица, когда-то родные, близкие, а теперь чужие и враждебные, повернулась и молча пошла из комнаты.

– Стой! – Ренат от возмущения даже вскочил со своего председательского места. – Тебя и так проискали целую вечность, а теперь ты опять собираешься уйти? Ты не имеешь права так уходить, ты вообще не имеешь права уходить. Теперь ты будешь под нашим присмотром. Мы обязаны следить за тобой, чтобы ты не вздумала что-нибудь выкинуть. Это во-первых. А во-вторых, ты обязана, слышишь, просто обязана объяснить всем нам, его друзьям. Ты должна рассказать, как и за что убила Вадима.

Катя повернулась к Ренату, устало посмотрела на него и сказала:

– Я не убивала его. И уж кому, как не тебе, это знать.

– Мне? – Ренат усмехнулся. – Ну что ж, тут ты совершенно права, – неожиданно легко согласился он. – Ладно, садись, чего уж там. Алик, помоги женщине, стул принеси.

Алик встал, уступил Кате свое место, но никуда не пошел, остался стоять, прислонившись спиной к стене.

– Ну вот, все устроились, теперь можно спокойно поговорить. Итак, вы, Катя, утверждаете, что не убивали своего мужа, – опять вдруг перескочив на «вы» и на официальный тон, начал Ренат. «Странная у него манера, – подумала Катя, – то хамски тыкает и грубо нападает, то вдруг без всякого перехода вежливо официализируется». – Вы не убивали. Так кто же тогда убил? Когда два человека остаются в замкнутом пространстве (а мы имеем дело как раз с таким случаем) и один из них вдруг падает замертво, какой напрашивается вывод? Что убил тот, второй. Да? Все со мной согласны? Ну, еще бы! Другого ведь вывода не сделаешь, как ни бейся. Или кому-нибудь из вас еще что-то приходит на ум? – Ренат обвел взглядом гостей. – Не приходит. А напрасно! Ведь можно же исходить и из другой посылки: если один из двоих падает мертвым, а другой его не убивал, значит, тот, первый, вовсе не мертв. Он попросту вас надул. Он просто хотел устроить веселенький спектакль для вас и для своих друзей. Ну что ж, он прекрасно справился со своей ролью. Он великий актер и постановщик. Давайте поприветствуем аплодисментами его талант и поблагодарим за доставленное удовольствие. Ну же.

Все в недоумении уставились на Рената. Тот, не давая никаких объяснений, сам начал аплодировать и так, аплодируя, подошел к двери, ведущей в коридор.

«Сумасшедший, – подумала Катя, – он просто сумасшедший и потому убил Вадима, и потому...»

Ренат перестал хлопать и прислушался, приложив ухо к двери. Из коридора послышалось какое-то неясное шебуршание, потом тихие, быстрые шаги, потом дверь открылась, и на пороге появился клоун в белоснежном одеянии с пистолетом в руке. Клоун засмеялся визгливым клоунским смехом, вышел на середину комнаты, приставил пистолет к груди и выстрелил. Сделав несколько неверных шагов, он рухнул на пол, раскинув руки. Пистолет отлетел в сторону. На груди, на белоснежной его груди расплылось большое ярко-красное пятно.

«Лучшее, что сейчас можно сделать, – подумала Катя, – это рухнуть в обморок». Но обморок не получился, наоборот, сознание вдруг обострилось до невыносимой ясности. Она подошла к распростертому клоуну, наклонилась, размахнулась и со всей силы своей ярости ударила его.

«Клоун», не ожидавший удара, вскрикнул и схватился за щеку.

Его тут же обступили гости, со всех сторон послышались удивленно-испуганно-радостные восклицания. Серега Тыч ухватил фальшивого новопреставленного за грудки, с силой тряхнул и потребовал объяснений. Вадим начал оправдываться, улыбаясь застывшей нарисованной клоунской улыбкой. Но Катя не стала дожидаться последней сцены спектакля и выбежала из комнаты.

Как все оказалось просто. А она-то, дура, столько месяцев мучилась из-за своего предательства по отношению к мужу. Да ведь это же настоящее чудовище! Ну что ж, он облегчил ей задачу, снял с души невыносимый груз. В чем-то даже и хорошо, что так все получилось. Теперь можно считать, что с Вадимом вопрос окончательно разрешился, совесть ее чиста, а развода она так или иначе добьется.

Жаль только, что все произошло на даче. Как отсюда выбираться? Попросить Тыча, чтобы подбросил до города? Он и сам возмущен поступком Вадима, поэтому не должен ей отказать. Надо только вернуться в комнату и вызвать Серегу. Хорошо бы поскорее оказаться дома. Позвонить Мише, попросить его приехать. Пусть наврет что-нибудь своей Нинели и останется у нее на ночь и на целое воскресенье.

Дверь хлопнула. Катя обернулась. Вадим стоял на крыльце и напряженно всматривался в темноту. Катя сидела на нижней ступеньке крыльца, привалившись спиной к стене дома, совсем близко от Вадима, но он ее не видел, потому что смотрел в другую сторону. Зато она видела его хорошо – над самой дверью горел фонарь, Вадим как раз стоял под ним. Он все еще был в своем шутовском наряде белого клоуна с безобразным кровавым пятном на груди.

– Катя, – позвал он робко, даже как-то заискивающе. – Катюша, ты где?

– Здесь. – Девушка поднялась и махнула ему рукой.

– Пойдем скорее в дом, ты же раздетая, простудишься. – Вадим сбежал по ступенькам вниз, обнял Катю за плечи и порывисто прижал к себе. Раздался резкий хлопок, Катя отпрянула, вскрикнула и в ужасе уставилась на него.

Вадим засмеялся.

– Смотри, как все просто. – Он легонько ткнул кулаком себя в грудь. Снова раздался хлопок, пятно на белом его костюме увеличилось, расплываясь уродливой кляксой. – Просто игрушка, киношный трюк.

Тошнота, которая так мучила ее в машине, а потом совершенно прошла, снова вернулась. У Кати закружилась голова.

– Зачем ты все это устроил?

– А разве ты сама не понимаешь? – Клоунские накрашенные губы Вадима искривились в жалкой улыбке. – Я был в полном отчаянье. Ты ушла, бросила меня, и я ничего не мог с этим поделать. Я готов был на все, на любую жестокость, лишь бы тебя вернуть. Этот спектакль... Прости меня, но...

– Так ты думаешь, что теперь я к тебе вернусь? Этот балаган ты устроил для того, чтобы вернуть меня?

– Ну... Ты все равно бы пришла назад, рано или поздно. Твой Миша – это же просто помешательство. Все пройдет, Катя, и, может быть, очень скоро пройдет. Но... я не мог ждать, когда это кончится, и потому... Мне нужно было тебя встряхнуть, излечить от сумасшествия.

– Я никогда к тебе не вернусь! Ты всегда изводил меня этой своей придуманной любовью. Да ты и не любил меня никогда! Ты любил свое состояние любви ко мне, тебе нравилось мучиться и страдать. Но я-то при чем? Я не вернусь к тебе, не надейся. – Катя повернулась и быстро пошла по дорожке.

– А знаешь, – крикнул ей вслед Вадим, – я и сейчас на все способен, чтобы тебя вернуть! Ты совершенно напрасно думаешь, что ушла от меня и на этом все кончено. Это ошибка, просто ошибка. Вернись ко мне, Катенька, я очень тебя прошу. А иначе...

Катя, не оглядываясь, шла к калитке. Казалось, она не слышала того, что так иступленно выкрикивал Вадим.

– Подожди! – Он догнал ее. – Давай я тебя хоть домой отвезу. И принесу одежду. Подожди немного, я сейчас. Скажу народу, пусть без меня пока развлекаются. Только не уходи, я быстро.

Вадим скрылся в доме. Катя прислонилась к забору и стала его дожидаться. Больше всего ей сейчас не хотелось ехать с мужем, терпеть его присутствие всю длинную дорогу. Но делать было нечего – не пешком же идти до города.

Вадим появился минут через десять с ворохом одежды – своей и ее. Он уже успел переодеться в черный свитер и джинсы и смыть с лица грим.

– Вот возьми, – муж протянул Кате куртку. – Я открою ворота и выведу машину.

Глава 2

Два месяца прошли в относительном покое. Вадим больше не появлялся, не звонил и вообще ничем не напоминал о себе. Нинель Эдвиновна хоть и присутствовала постоянно («Катюша, сегодня опять никак не удастся вырваться»... «Малыш, ты не сердись? Этот грипп... Не знаю, где она его подхватила. Температура тридцать девять, я не могу ее так оставить»...), но такой опасности уже не представляла, стала чем-то почти незначимым, почти не стоящим внимания, как старая, отжившая свой век собака – неделя-другая, и она околет, освободит угол от своего мешающего существования. Миша наконец пообещал, что расскажет ей все. После новогодних праздников.

А сейчас впереди большие каникулы. Огромные рождественские каникулы далеко-далеко от Нинели Эдвиновны и от всех, всех, всех. Семь дней вдвоем, только вдвоем, семь дней свободы и счастья. Можно будет спокойно дышать и жить, не боясь, что кто-то помешает, разрушит все каким-нибудь телефонным звонком или стуком в дверь.

Катя хотела на Канары. Но Миша предпочел Рим. Ну что ж, Рим так Рим, главное – подальше от этой крашеной лахудры и сумасшедшего клоуна. Осталось прожить сегодняшний день, а завтра утром они улетят в Вечный город, подальше от всех этих проблем.

Зазвонил телефон. Катя потянулась, встала и не спеша поплелась в прихожую – Миша с утра пораньше никогда не звонил, а бежать сломя голову, для того чтобы услышать голос Риты, Вадима или шефа их фирмы, Катя не собиралась. Но это оказался именно Михаил.

– Привет, Катенька, я не разбудил тебя?

– Нет, я уже проснулась. Да и все равно пора вставать.

– А у меня для тебя хорошая новость. Звоню из аэропорта. Только что посадил Нинель на самолет.

– Да? – Катя встревожилась. – Ты ей все рассказал?

– Нет пока. Мы же договаривались, после Нового года.

– Тогда почему ты в аэропорту? Я думала, Нинель...

– Нинель летит на какой-то очередной конкурс красоты в Новосибирск. Она там в жюри. Я рассказывал, моя жена обожает подобные мероприятия, ей всегда удается каким-то образом пролезть во всякие жюри и комиссии. Но это неважно. Главное – у нас с тобой этот вечер в полном распоряжении. И с работой сегодня я постараюсь разгрестись пораньше, так что часа в четыре буду у тебя. У вас ведь тоже короткий день?

– Да.

– Вот и прекрасно. Готовь свечи, будет ужин на двоих, об остальном я позабочусь сам. И еще... Ладно, это потом. Я приготовил тебе сюрприз, большой-большой новогодний сюрприз. Нет, нет, и не пытайся отгадать, все равно ничего не получится. Ну, до вечера, моя девочка, я так по тебе скучаю.

– До вечера, милый, до нашего с тобой вечера. Только нашего...

Вот если бы всегда так начиналось утро! Интересно, какой сюрприз приготовил Миша? Но в любом случае, что бы там Мишенька ни придумал, самый большой, просто огромный подарок преподнесла им Нинель Эдвиновна – увеличила их каникулы на целый вечер.

Катя сварила себе кофе, выкурила сигарету и пошла собираться на работу. Накраситься сегодня следовало тщательнее обычного и к одежде отнестись с большим вниманием, потому что, когда она вернется, вполне может быть, что Миша уже придет. У него есть ключи от квартиры, и он обещал освободиться пораньше.

Девушка выгребла из шифоньера ворох платьев и костюмов и критически принялась их осматривать. Но скоро вся куча нарядов была отвергнута – ничто не удовлетворило ее требованиям: костюмы были слишком строгими, платья либо чересчур нарядными, либо чрезмерно

простыми. Тогда она влезла в свои повседневные джинсы и розовый свитер. Подкрасившись, Катя обошла квартиру и так же придирчиво ее оглядела. Без сомнения, комнаты давно требовали ремонта, обои выгорели, а местами и вытерлись почти до дыр, потолки облупились. Странно, что раньше ей и в голову не приходило сделать ремонт, нисколько не смущала ветхость и запущенность ее жилища.

Квартира досталась им с сестрой после смерти родителей, они погибли десять лет назад. Сестра предлагала обменять эту трехкомнатную, ставшую для них двоих слишком большой, квартиру на меньшую с доплатой. Но Катя категорически воспротивилась. Вот тогда-то и делали последний раз ремонт. А три года назад погибла Саша. И Вадим думал квартиру продать – слишком много тяжелых воспоминаний с ней было связано. Но Катя и на этот раз отстояла ее. Ей невыносима была мысль о том, что по этим комнатам, их с Сашкой комнатам, станут ходить чужие люди, спать на их кроватях, есть за их столом, сидеть на их диване. Нет уж, пусть все остается как есть. Тем более, с самого начала их совместной жизни с Вадимом Катя не исключала возможности сюда вернуться, словно подсознательно чувствовала, что захочет от него уйти, а эта квартира давала ей путь к отступлению. Как же действительно она ей помогла! Вот только не мешало бы получше за ней ухаживать, хотя бы в благодарность за все сделать ремонт. А теперь и перед Мишей неудобно – отмечать начало их каникул, начало счастья и свободы в таком хлеву. Он, конечно, все это давно уже видел, но тогда было другое дело. А теперь их ждет новая жизнь, а новая жизнь требует чистоты.

Катя еще раз критически осмотрела большую комнату, где вечером предполагался ужин при свечах, и, вздохнув, пошла в прихожую одеваться.

...Тридцатое декабря их шеф, Валерий Петрович Баженов, бывший бандит, а ныне человек при статусе, сократил до 15.00, тридцать первое вообще сделал выходным днем. И все для того, чтобы переплюнуть своей заботой о подчиненных всех известных и неизвестных руководителей всех известных и неизвестных ему фирм и показать, какой он душка. Недавнее или давнее бандитское прошлое Валерий Петрович тщательно маскировал, прикрываясь строгими официальными костюмами (никаких полуспушенных спортивных штанов) и правильной речью (никаких блатных словечек, никаких матерных выражений), но все равно прошлое лезло изо всех дыр и было написано большими буквами у него на лбу.

Фирма, в которой работала Катя (по протекции Михаила), называлась «Медицина и экология». Собственно, их контора являлась филиалом огромного концерна по продаже – закупке экологически чистых продуктов, различных витаминизированных добавок и защитных средств труда: противогазов, респираторов и прочего.

Ровно в три Катя отключила компьютер и совсем уже собралась уходить, как вдруг на пороге нарисовался Валерий Петрович собственной персоной. Его преждевременно лысеющую голову украшал разрисованный бумажный колпак, лацканы и воротник пиджака были обсыпаны конфетти, как перхотью, на талии болталась золотая мишура, в руках он держал большой дед-морозовский мешок.

– Минуточку внимания! – Шеф широко улыбнулся и бухнул мешок на стул. Его лицо излучало радость и вселенскую любовь ко всем собравшимся.

Вот черт! Только этого не хватало. На сколько же все растянется? Надо было уйти на десять минут раньше или вообще не приходиться сегодня на работу, взять отгул, заболеть, да что угодно сделать, только бы не присутствовать на этом мероприятии. А ведь могла бы предположить заранее, что так будет. Почему же ей не пришло это в голову? Теперь уже поздно что-либо предпринимать. Если уж Валерий Петрович так проникся Новым годом, что нацепил колпак и притащил мешок с подарками, то это всерьез и надолго, дезертировать с праздника не удастся. А Миша, наверное, уже подъезжает к ее дому. Может быть, в этот самый момент он как раз заворачивает во двор, вот сейчас он остановит машину у подъезда, поднимется на третий этаж... Сначала Мишенька обрадуется, что приехал первым, но через полчаса, через час...

– Наступает Новый год, он нам радость принесет! – продекламировал Валерий Петрович и потрянул головой. Колпак упал на пол, из него посыпались конфеты. Присев на корточки, шеф принялся их собирать. Варя и Настя, конкурирующие между собой претендентки на звание миссис Баженова, бросились ему помогать. Но Валерий Петрович от помощи отказался, почти грубо отправил девушек за их рабочие столы, собрал конфеты сам и протянул колпак Кате:

– Екатерина, будьте добры, раздайте сотрудникам, по три штучки на брата.

Катя пошла по кабинету, оделяя коллег конфетами, под благосклонные взгляды шефа и злые – Вари и Насти.

– А теперь, – Валерий Петрович хлопнул в ладоши, дверь открылась, и на пороге возник курьер Вася, нагруженный коробками. – Даю на подготовку праздничного стола пять минут. Здесь, – он кивнул на коробки, – есть все, чтобы достойно отметить праздник в узком рабочем кругу: экологически чистые продукты, экологически чистые напитки.

Довольный своей неуклюжей шуткой, Баженов засмеялся и, как-то нелепо пятясь и гри-масничая, вышел.

Началась суета. Сдвигали столы, пододвигали стулья, распечатывали коробки, расставляли одноразовую посуду.

«Может, сейчас потихоньку уйти?! – подумала Катя. – Пока все возятся с организацией закуски, не заметят побега, а потом и вообще будет не до нее».

– Что сидишь, как неродная? – Настя сунула Кате батон. – Режь хлеб, нечего отлынивать.

Господи! Ну почему она не ушла раньше? Катя смотрела на этих суетящихся людей, на их возбужденные лица и не могла себе простить, что не догадалась придумать какую-нибудь отговорку, чтобы не оставаться на этом дурацком празднестве. Сказала бы, голова болит или зуб ноет – и все. Теперь уж Миша точно приехал.

Наконец все было готово. Сотрудники чинно встали вдоль стен, ожидая вторичного появления шефа. Но он почему-то запаздывал. Катя нервно посматривала на часы, представляя, что теперь делает Миша, и думая, что надо бы ему позвонить, предупредить о задержке. Она отлепилась от стены и двинулась к телефону, но не успела даже набрать номер – дверь кабинета распахнулась, раздался грохот, и появился Валерий Петрович с дымящейся хлопушкой в руке.

– С наступающим Новым годом! – Шеф радостно улыбался. – Прошу всех к столу. – Валерий Петрович подошел к Кате, подхватил ее под руку и усадил рядом с собой. – Я никому не позволю игнорировать общественное мероприятие. А вы, я смотрю, прямо вся как на иголках. Сбежать решили? Не выйдет. Я арестовываю вас. Сегодня вы с нами, а завтра весь день ваш, празднуйте с кем угодно.

Разлили шампанское – сладкую красную пенящуюся бурду. Баженов встал и толкнул речь.

Растроганные сотрудники чокнулись одноразовыми стаканчиками.

– Угощайтесь, Екатерина, – Баженов с добродушной улыбкой сытого крокодила наклонился к Кате. – Вот, икорки попробуйте. Экологически чистая, вы уж мне поверьте. А шампанское почему не допили? Нельзя так, плохая примета: не допивать – оставлять на дне слезы. Полстакана слез оставили, весь Новый год будете плакать.

Катя вымученно улыбнулась шефу и залпом выпила шампанское. Он тут же услужливо поднес ей баночку икры и пластмассовую ложку.

– Закусывайте, можете прямо из банки, так вкуснее.

Катя с трудом проглотила икру и украдкой посмотрела на часы. Господи! Уже половина пятого, а праздник только в самом начале, раньше семи уйти не удастся, это уж точно. Да еще этот придурок Баженов навязался на ее голову. Ну чего ему от нее нужно? Ухаживал бы за Настей или Варей, те бы только рады были.

Между тем праздник набирал обороты. Принесли еще шампанского. Валерий Петрович вытащил свой дедморозовский мешок и приступил к раздаче подарков. Кате, видимо по

ошибке, достался лосьон после бритья. Она сунула его поскорее в сумку и вышла покурить в коридор.

А может, все-таки взять и уйти? Просто внаглую? Баженов, конечно, обидится, но ведь с завтрашнего дня у нее отпуск, появится на работе только через десять дней, к тому времени все забудется. В конце концов, с какой стати ей торчать здесь, когда ее уже давно ждет Миша? Плохо, что дубленка в кабинете, но ничего, народ сейчас занят шампанским и рассматриванием подарков, своих и чужих, возможно, на нее и внимания не обратят.

– А, вот вы где спрятались, Екатерина. – Катя вздрогнула и обернулась. К ней приближался шеф. Он нес два стаканчика и большой кусок чего-то красноватого в салфетке. – Уединились, значит? Бросили коллектив? Грустите в одиночестве в такой замечательный праздник? А давайте-ка лучше выпьем на брудершафт. Возьмите бокал. – Он протянул ей одноразовый стаканчик с шампанским и нечто красное.

– Что это? – Катя брезгливо ткнула пальцем в салфетку.

– Чавыча! – с гордостью воскликнул Валерий Петрович. – Закуска. Ну, за здоровье?

– За здоровье. – Катя зажмурилась и хлебнула невыносимо приторной имитации вдовьего вина. Шеф притянул ее к себе и поцеловал в губы.

– Рыбки?

– Нет, спасибо.

– Обижаете, то есть обижаешь, мы ведь теперь на ты. Хорошая рыбка, попробуй, не пожалеешь. Сам выбирал. Отведай, не стесняйся.

Делать нечего, пришлось отведать. Все равно отвязаться от него не представлялось возможным. Лучше не спорить, любые возражения он воспримет как личное оскорбление.

Катя изобразила на лице удовольствие и принялась жевать чавычу. Рыба была хорошо просолена и требовала пива, а не сладкой шипучки.

– А пива нет? – робко начала Катя.

– Пива?! Да ты что?! – оскорбился шеф. – Пиво на праздник? За кого ты меня вообще принимаешь? Шампанское, только шампанское. И не говори мне про этот пошлый плебейский напиток. Еще принести или вот что, давай-ка отсюда слиняем, а? Пусть они тут сидят, веселятся, а мы с тобой уйдем. В ресторан хочешь? – Баженов обнял Катю за плечи.

– Я бы с удовольствием, – она решила не идти на конфликт. – Но понимаете... Валерий Петрович, пожалуйста, сделайте мне подарок.

– Подарок? Все, что хочешь.

– Мне очень надо домой. У меня... Понимаете, очень. Все было прекрасно, но мне надо... Можно я пойду?

– Ну... – шеф обиженно засопел, – иди, конечно, если так приспичило. Что там у тебя? Какая такая срочная надобность?

– Я... уезжаю, – выкрутилась Катя. – Сегодня вечером. Вещи еще не собраны, и вообще боюсь на самолет опоздать.

– А, – Баженов просветлел лицом, – тогда ладно. Я уж подумал...

– Нет, нет, все действительно было замечательно. Так я могу уйти?

– Иди, пакуй свои чемоданы. А куда отправляешься, если не секрет? По турпутевке?

– Что-то вроде этого. – Надо же, кажется, он на нее конкретно глаз положил и даже уже ревнует. Вот ведь дурак!

– Сделаем так, – Баженов заговорщически подмигнул Кате, – я потихоньку вынесу тебе одежду, чтобы не привлекать внимания общественности, и пойдешь. Но ресторан остается в силе. Когда вернешься. Лады?

– Хорошо. – Катя подхалимски улыбнулась и чмокнула шефа в шершавую, благоухающую дорогим одеколоном щеку. – Вы меня так выручили!

– Да ладно, чего уж там, – Валерий Петрович, довольный своей новой ролью благодетеля, с нежной снисходительностью посмотрел на нее. – Что у тебя: куртка, шуба?

– Дубленка. Короткая, коричневая, в шкафу справа, самая первая висит.

– Разберусь. Жди здесь. – Баженов поставил стаканчики на подоконник и пошел в кабинет за Катиной одеждой.

Ну слава богу! Наконец-то она свободна. И времени не так уж и катастрофически много – начало шестого. Если взять мотор, в шесть будет дома. Надо же, и крокодилы, оказывается, способны на снисхождение. Главное теперь, чтобы он не потащился ее провожать. Тогда от него трудно будет отделаться, придется рассказать, что никуда она сегодня не едет и не летит, а просто ее ждет дома самый любимый, самый лучший в мире человек, ее Миша, Мишенька. Нет, имени в любом случае называть нельзя, пока это тайна, страшная тайна. Тем более что Михаил является учредителем всего огромного концерна «Медицина и экология», Баженов у него в непосредственном подчинении. Он не только прекрасно знает Мишу, но, наверное, и с Нинелью Эдвиновной знаком. Интересно, как Валерий Петрович отреагирует, когда все откроется? Испугается, что подбивал клинья к будущей жене шефа? Или будет польщен? Во всяком случае, дальнейшие ухаживания с его стороны ей точно не грозят.

– Вот, кажется, твоя? – Баженов появился с дубленкой на плече.

Ну да, и «тыкать» перестанет, забудет про свой легкомысленный брудершафт.

– Моя. Спасибо. – Катя потянулась за дубленкой.

– Разреши за тобой поухаживать. – Он помог ей одеться, галантно приложился к ручке своими жирно-рыбными губами, подал сумку. – Позвони, как приедешь.

– Обязательно. До свидания.

– Вот-вот, до свидания, – Баженов засмеялся и причмокнул губами. – Не забудь, с тебя ресторан.

– Да, да, конечно.

Катя нетерпеливо кивнула шефу, повернулась и быстро пошла по коридору, за спиной у нее хлопнула дверь – это неудачливый ловелас скрылся в кабинете.

Катя сбежала по лестнице и выскочила на улицу. На всех парах, рискуя сломать каблук или растянуться посреди дороги, она полетела к остановке.

Родной десятый троллейбус подошел и услужливо распахнул двери. Но, немного поколебавшись, Катя не стала в него садиться, а решила поймать такси.

Но уж если не повезет с самого начала, так и будет всю дорогу! Кате долго не удавалось тормознуть ни одной машины, а когда наконец остановился раздолбанный, пропахший бензином и хозяйским потом «жигуленок», они тут же попали в «пробку».

Вот ведь дрянь какая! Миша там нервничает, ждет ее, а она торчит в этой проклятой машине и ничего не может поделать.

Шофер оказался на редкость навязчивым, трещал без умолку, отпуская плоские комплименты, шутил, не переставая, и по поводу пробки, из которой они никак не могли выбраться, и по поводу ее нервного состояния, и по поводу гаишников, которым прикатила лафа на все праздники – на дорогах сплошь пьяные, – рассказывал, что собирается на Новый год с друзьями отправиться на зимнюю рыбалку, приглашал Катю поехать с ними.

Катя откинулась на сиденье, прикрыла глаза, постаралась взять себя в руки и успокоиться. «Пробка» между тем рассосалась, и машина двинулась дальше. Минут через пятнадцать они въехали во двор Катиного дома. Расплатившись с водителем, она выскочила из машины.

У подъезда стоял Мишин «мерс». Любимый прибыл вовремя, это она безнадежно опоздала. А ведь еще нужно приготовить праздничный ужин, переодеться, привести себя в порядок. Хорошо, хоть вещи с вечера уложила для завтрашней поездки.

Катя влетела на третий этаж, открыла дверь и крикнула с порога:

– Мишенька, я пришла! Давно ждешь?

Но Михаил не откликнулся, не вышел ее встречать. В квартире было тихо. Сбросив дубленку и сапоги, Катя побежала в комнату. На пороге споткнулась о чемодан, чертыхнулась, толкнула застекленную дверь гостиной, включила свет, представляя, что Миша с комичным видом сидит на диване, сложив руки на коленях, как пай-мальчик – вполне в его духе подобная шутка. Но ни на диване, ни в кресле, ни на полу, ни даже в шкафу Миши не оказалось. Судя по абсолютной, мертвой тишине, его вообще не было в квартире.

Странно, в магазин он вышел, что ли? Зачем? Мог бы все купить по дороге. Обычно он так и делал. А может, в ванной? Вода не льется, но мало ли что?

Катя заглянула в ванную, потом в кухню, раздернув шторы, проверила, не притаился ли Михаил на балконе.

– Миша, ты где? Выходи! Пошутит и хватит.

Никакого ответа – квартира безмолствовала.

Странно, странно, очень странно. А может, Миша сидел в машине во дворе, а она не заметила? Но почему тогда и он ее не заметил? Да и с чего бы ему ждать на улице, ключи у него есть.

Катя прошлась по комнате, недоумевая, куда это подевался любимый и почему, если он где-то притаился, не выходит, так затягивает шутку. Да уже и не смешно совсем.

– Миша! – Все это начало ее раздражать.

У журнального столика Катя остановилась. На глаза ей попались какие-то положенные стопкой бумажки. Это оказались билеты на самолет и загранпаспорта. Во всяком случае Миша здесь был. Но куда потом делся?

Катя уселась в кресло с билетами и документами в руках и стала их рассматривать. Прошло довольно много времени, а Михаил так и не появился. Часы на стене пробили семь.

Да что же это такое? Может, он обиделся и уехал домой? Но тогда оставил бы записку. Или уж до такой степени обиделся, что и писать не стал? Надо было все-таки позвонить ему с работы. Глупость какая! На редкость дурацкая ситуация.

Смешная, совершенно абсурдная мысль вдруг пришла ей в голову: Миша долго ждал ее, а потом, утомленный бесплодным ожиданием, отправился в спальню, прилег отдохнуть и незаметно для себя уснул – и так крепко, что не услышал, как она вошла и как ему кричала.

Мысль была абсурдной, прямо-таки идиотской, но все же Катя решила проверить. Верхний свет зажигать она не стала, чтобы резко не будить его, если он все же спит, включила торшер у кровати.

Ну так и есть! Миша действительно спал. Как был, в одежде, прямо на покрывале. Что ж, это даже хорошо: если он уснул давно, то и не заметил, что ее так долго дома не было, не волновался и не сердился. Но теперь в любом случае пора бы ему проснуться, не тратить же такой дорогой, единственный в своем роде вечер, так чудесно обретенный вечер на бездарный сон.

Катя подошла к кровати, наклонилась над Михаилом – и в ужасе застыла. Глаза его были широко раскрыты, но взгляд неподвижен и...

– Миша! – Она тронула его за плечо. – Миш...

На лбу, прямо посередине, темнела маленькая, аккуратная ранка.

– Мишенька! – Катя, подспудно понимая, что сейчас произойдет что-то ужасное, непонятное и совершенно, совершенно невозможное, схватила его за руку. Рука была холодной и мертвой.

Когда наконец тошнотворный зеленый туман рассеялся, она поняла, что нужно делать. Главное – не впадать в панику. С чего она взяла, что Миша мертв, ранка на лбу и холодная рука еще ничего не значат, совсем недавно с ней проделывали похожий трюк – и все обошлось, смерть оказалась просто театральным представлением. Прежде всего нужно попытаться найти

пульс и проверить дыхание. Кажется, пульс лучше всего прощупывается на шее возле сонной артерии.

Шея тоже холодная, но, может, Миша просто замерз. Где там эта чертова артерия?

Ничего! Ни пульса, ни дыхания. И глаза так неестественно раскрыты, и зрачки неподвижны. Глубокий обморок? Кома? Неизвестный ей, какой-то особый сердечный приступ?

Это могло быть чем угодно, если бы не ранка на лбу. Она-то к сердечному приступу уж точно не имеет никакого отношения. Она может иметь отношение только к...

Нет! Этого не может быть! Потому что... Потому что несправедливо, потому что слишком подло и жестоко, потому что просто не может быть. Это было бы предательством, гнусным, невозможным предательством, а Миша, ее Мишенька, так не мог с ней поступить. Зачем тогда все это? Зачем была нужна такая долгая прелюдия к их счастью, обещание счастья, надежда на счастье? И именно сегодня, когда оно уже почти наступило, с этого вечера должно было наступить?

Но пульса нет! Нет этого проклятого пульса! И нет дыхания, и рука холодная, и глаза странно неподвижны.

Миша, Мишенька. Он не мог с ней так поступить, не мог ее предать, не мог оставить один на один со своим мертвым телом. Но поступил, и предал, и оставил. Зачем он тогда выскочил со своей дурацкой собакой? Жила себе тихо-мирно, не особо счастливо, но все-таки. Максимум, о чем мечтала, – уйти от Вадима, избавиться от его невыносимо раздражающего присутствия, а о счастье и не помышляла. Ну и ушла бы, в конце концов, осталась бы одна, жила бы себе дальше в тишине и покое, скромненько, без особых претензий. Нет, выскочил, осчастливил, обнадежил. А все для чего? Для того, чтобы лежать теперь с простреленным лбом на ее кровати? Обольстил и бросил. Осчастливил и убил. И предал. Что же теперь делать?

Боль сменяла отчаянье, отчаянье сменяло ярость. Катя сидела на полу возле кровати, на которой лежало мертвое тело Михаила, и сжимала в ладонях холодную Мишину руку. Слезы, которые никак не могли пробиться сквозь отчаянье, ярость и невыносимую боль, вдруг прорвались, и Катя уткнулась лбом в холодную кисть Михаила и горько, безутешно заплакала.

Вот тебе и счастливый ужин на двоих, вот тебе и огромные рождественские каникулы. Маленькая, смехотворно ничтожная ранка на лбу – и нет ничего, конец всему. Как могло такое произойти? Как?!

Да ведь это убийство! Мишу убили.

Кто убил его и зачем?

Затем, чтобы перечеркнуть их счастье, чтобы поставить ее, Катю, в совершенно безвыходное положение.

Что ей делать теперь с его мертвым телом? И... что делать теперь ей без него, живого?

Слезы стекали по бесчувственной, холодной кисти Михаила и капали на пол, но от слез и Катиного дыхания мертвая его рука согрелась и стала казаться живой. Безумная, истерическая надежда вдруг завладела Катей. Ей даже показалось, что рука шевельнулась, пульс вернулся и Жизнерадостно забился у запястья. Катя перестала плакать и медленно, боясь ошибиться, миллиметр за миллиметром двигаясь взглядом от кисти вверх по руке к неподвижному плечу, от плеча к шее, от шеи, стала выискивать пульс.

Наваждение прошло: глаза Миши все так же безучастно смотрели куда-то вверх, аккуратная ранка темнела на лбу – смерть не отступила. У нее, сколько ни плачь, ничего не выплачешь.

Нет, это не вадимовское шутовское представление, это настоящая смерть. Убийство. Настоящее убийство. Но кто мог убить Михаила? И почему это сделали здесь, у Кати в квартире?

Да Вадим же и убил! Он же говорил тогда, что ни перед чем не остановится. Сначала устроил спектакль – предупреждение, а потом... И ключи от ее квартиры у него есть. Выследил Мишу, вошел и убил. Чтобы вернуть ее.

Но ведь это же глупо. Неужели Вадим не понимает, что окажется в главных подозреваемых? Да нет, не в главных, в единственных. Следствию сразу же станет ясно, в чьих интересах была его смерть, а учитывая место преступления, и последние сомнения рассеются.

Хотя насчет места как сказать. Квартира-то ее, значит... Значит, главным подозреваемым может оказаться вовсе не Вадим, а Катя. На это, может быть, он и рассчитывал. Совсем не глупо получается, расчет вполне верный: он убивает Мишу, подставляет ее, а сам оказывается ни при чем. Доказать свою непричастность Вадиму не составит труда – наймет адвоката.

Белый клоун! Ну конечно! Он полностью повторяет сценарий, только теперь по-настоящему. Ее обвинят в убийстве Миши, и только Вадим сможет ее вытащить из этой ситуации, Катя в его руках.

Беспроектный вариант, ничего не скажешь! Наверное, он придумал его давно, может быть, план стал зарождаться в тот момент, когда он барабанил пальцами по стеклу такси, добиваясь ее взгляда, и улыбался своей жалкой собачьей улыбкой. Тогда зародился, а потом... Вадим продемонстрировал этот план в своем «Белом клоуне». И предупредил. Ну почему Катя тогда не восприняла всерьез его предупреждения, не приняла никаких мер? И Миша, когда Катя ему все рассказала, совершенно не насторожился.

Что же теперь делать?

Часы в соседней комнате пробили один раз. Половина... Которого часа? Катя не знала, но вдруг поняла, что совсем скоро наступит ночь. Нужно срочно что-то решать, через час – через два будет поздно и придется тогда отложить все до утра. Она поднялась, выключила торшер и вышла из спальни.

Ну и что дальше? Звонить в милицию? Так ведь Вадим на это и рассчитывал. Ее тут же арестуют, и она окончательно окажется в ловушке. Дня три он ее подождет, а потом придет к Кате с адвокатом и приступит к переговорам. И как знать, может, при таком раскладе он и добьется своего.

Нет, в милицию звонить нельзя.

Но и оставаться здесь тоже нельзя. В любом случае из квартиры нужно уходить, и чем скорее, тем лучше. Только как быть с Мишей? Бросить его здесь одного? Это подло и просто опасно. Если кто-нибудь войдет и увидит... Вадим мог подстроить так: если она не позвонит в милицию, то в скором времени милиция сама нагрянет.

Хорошо бы куда-нибудь уехать, спрятаться навсегда. Хоть в тот же Рим. Билет и загранпаспорт у нее есть, самолет улетает утром. Ночь можно перекачаться где-нибудь на вокзале или в аэропорту.

Ерунда! Вычислят ее в два счета и улететь не дадут.

Как же тогда поступить?

Прежде всего выйти из квартиры, а там и решать.

Билеты и паспорта – свой и Михаила – Катя сунула в сумку на всякий случай, мало ли что, схватила с вешалки дубленку, подумала, брать ли чемодан с вещами, приготовленный для поездки, решила, что лучше уходить налегке, и принялась судорожно одеваться. «Молния» заела, руки слушались плохо. Наконец, кое-как справившись, она выскочила из квартиры. Но тут-то ей и стало по-настоящему страшно. Катя ярко представила, что Вадим дожидается ее в подъезде с нарядом милиции, где-нибудь между вторым и первым этажом, и стоит ей только немного спуститься вниз, на нее тут же навалится парочка громил, скрутят ее, закуют в наручники и затолкают в машину. А бывший муж при этом будет стоять рядом, наблюдать за сценой и улыбаться своей собачьей улыбкой: мол, я-то что могу поделаться, сама довела меня до этого.

Катя перегнулась через перила и прислушалась. Вроде все спокойно – ни звука, ни шороха, ни запаха табачного дыма. Свет горит только на их этаже и на первом. Может, в темноте ей удастся проскочить незамеченной, ведь и соседей сейчас лучше не встречать. Как она всегда боялась возвращаться вечером домой, проходить по этому темному подъезду! А сейчас

наоборот радуется, темнота стала ее сообщницей. Наверное, всю оставшуюся жизнь ей предстоит теперь прятаться в темноте. Как вору или убийце.

Но ведь она ни в чем не виновата!

Проскочив освещенный отрезок третьего этажа, Катя немного замедлила шаг. Здесь было спокойней и безопасней и никакой милицейский наряд не затаился, напрасно она боялась. Может, правда, ее ждут во дворе. Но это будет следующий этап, а сейчас стоит немного передохнуть.

Но расслабиться ей не удалось. Хлопнула дверь подъезда, и кто-то быстро стал подниматься по лестнице. Катя вжалась в стену, надеясь, что ее не заметят. Шаги приближались. Их было двое. Один из них часто и шумно дышал. Нет, это не человек, так люди не дышат, это собака. Милицейская овчарка? Ну вот, сейчас она ее просто разорвет.

– Вперед, Арто. Чего ты там застрял? Домой!

Арто? Слава богу, не овчарка-ищейка. Соседский пес, королевский пудель, вполне добродушное создание. Разорвать он ее уж точно не разорвет. Однако радоваться все равно особо нечему. Вот сейчас пес ее обнаружит, а потом и сосед, а потом, когда начнется следствие, сопоставят время, когда она выходила из дому, сопоставят другие факты...

Арто остановился возле Кати и радостно тявкнул.

– Ну, чего там еще? Домой, кому говорят! Кто там у тебя, кошка? Фу! Такой большой мальчик, не стыдно?

Наверно, Арто застыдил, а может, посчитал Катю не такой уж важной находкой. Во всяком случае, развивать тему встречи с соседкой не стал. Еще раз тявкнув, пес поплелся вверх по лестнице.

Катя перевела дыхание и, дождавшись, когда хлопнет наверху дверь квартиры, стала спускаться по лестнице.

На скамейке у подъезда, к счастью, никого не было, и вообще двор казался пустым и сонным, но на глаза ей тут же попался «Мерседес» Михаила. Он стоял как раз под фонарем, единственным на огромном пространстве, и был хорошо заметен. Как назло!

Катя с ненавистью посмотрела на предательский автомобиль. Хоть бы кто его за ночь спер, что ли? В другое время обязательно бы угнали, но сейчас ни за что не украдут, будет торчать тут до скончания века, как бельмо на глазу. Как указатель: здесь, в этом доме, в этом подъезде, произошло убийство, моего хозяина ищут повсюду, а он лежит с простреленной головой в спальне одной из квартир. Какой? А вы порасспрашивайте соседей, они-то уж точно знают, к кому и зачем он приезжал.

Катя прошла в темный угол двора и села на скамейку. Нужно было решить, что делать дальше, куда податься.

Когда-то в их общей с Вадимом жизни был человек, который мог реально помочь в такой ситуации. Игорь Гаврилов, подполковник милиции. Собственно, он был знакомым бывшего мужа, но на какой-то момент стал даже другом семьи, хотел жениться на Рите, Катиной подруге. А потом отношения с Ритой разладились, Игорь стал заходить к ним все реже, чтобы случайно с ней не встретиться, и так само собой получилось, что дружба между ними сошла на нет. Больше года Катя не видела Гаврилова. А за это время многое могло измениться. Захочет ли Игорь ей помочь? Наверняка не захочет. Зачем ему лишние проблемы? Опять же неизвестно, на чьей стороне он окажется: на ее или, из мужской солидарности, на Вадимовой.

Но делать-то что-то надо. Не сидеть же здесь, на скамейке, целую вечность. Пойти переночевать к Рите? Во-первых, основную проблему это не решит, во-вторых, у Риты ей при таких обстоятельствах вообще появляться нельзя: особа она заполошная, истеричная, первым делом завалится в обморок, а вторым – примется звонить в милицию.

Придется все-таки ехать к Гаврилову, другого выхода нет. Еще неизвестно, удастся ли его разыскать. Игорь за это время мог переехать, и даже если живет все еще там же, найти его дом проблематично – Катя была-то у него всего пару раз, обычно Игорь сам приезжал к ним в гости.

... На остановке оказалось народу немало – значит, не так еще поздно. Что ж, это хорошо, по разным причинам: в толпе легко затеряться, а потом, приезжать на ночь глядя к человеку, которого сто лет не видела, да еще обращаться с такой просьбой, уж совсем ни в какие ворота не лезет.

С такой просьбой. А с какой, собственно, просьбой? О чем она собирается его просить? Замять дело? Так ведь никакого дела пока и нет. Арестовать Вадима? Но за что его арестовывать? Все ее догадки не являются фактами, а факт лишь в том, что у нее, Екатерины Васильевой, в спальне на кровати труп ее любовника, а она, Екатерина Васильева, вместо того, чтобы позвонить в милицию, попросту сбежала. Опять же напрашивается вывод: сбежала – значит, виновата. Гаврилов сам первый возмутится ее поступком. И, конечно, откажется помочь. Зря она едет к Игорю, совершенно зря.

Дом Гаврилова Катя узнала сразу. С того времени, когда она в последний раз у него была, здесь ничего не изменилось: те же сломанные качели во дворе, та же зеленая подъездная дверь с выбитым стеклом. На лестнице все тот же запах: кошачьего помета, жареного лука, селедки, дешевого табака и чего-то еще, собственного, характерного.

Но Игоря дома не оказалось. Катя долго звонила в черно-лакированную железную дверь, потом немного подождала, соображая, не перепутала ли все-таки адрес, – дверь раньше стояла другая, довольно хлипкая, деревянная, вся в шрамах от неоднократного переставления замков, и снова позвонила – в квартире никого не было.

Может, это и к лучшему, но только что ей теперь делать?

Катя ткнулась лбом в холодное железо двери. На что она вообще надеялась, когда ехала к Гаврилову? Бессмысленно было приходить, бессмысленно было рассчитывать на его помощь. Ну с чего, в самом деле, ему ей помогать? Столько времени не виделись, и тут – «Здравствуй, Игорь, у меня в квартире труп любимого, нет, нет, не Вадима, другого, да ты его не знаешь, но это неважно, помоги по старой дружбе».

Катя со злости пнула дверь и пошла вниз.

Вот и все. Теперь единственное, что остается, это добровольно сдать в ментовку, дойти до ближайшего отделения и все рассказать. Хоть переночевать будет где. И Вадиму будет приятно: события разворачиваются по его четко разработанному плану, никаких отклонений от задуманного сценария. Что ж, должна же она раз в жизни доставить ему удовольствие.

Ну уж нет! Перетопчется. Ни в какую ментовку она не пойдет, а если и пойдет когда-нибудь, то только для того, чтобы сдать его, своего ненавистного муженька, изгадившего ей всю жизнь.

Мишенька, Миша! Невозможно, невозможно представить, что его больше нет. Как теперь жить без него? Вадим, этот подонок, эта мразь, отнял у нее самого любимого человека только потому, что сам никогда не был любимым.

Адвоката она нанять не может, но зато... Теперь-то уж все равно терять нечего, и потому...

Нет, Гаврилова она дождется, только не для того, для чего хотела сначала. Ничего рассказывать ему не будет, сделает вид, что пришла в гости, отвлечет его и постарается выкрасть пистолет. Стрелять она не умеет, но, наверное, это нетрудно, разберется как-нибудь. Главное – достать пистолет.

Катя вернулась на гавриловский, пятый, этаж и села на верхнюю ступеньку. Во что бы то ни стало она дождется Игоря и раздобудет пистолет. Она убьет эту мразь. Позвонит к нему в дверь – Вадим откроет. На минуту растеряется. Вот этой-то минуты ей и хватит, чтобы выстрелить. Что будет потом? Неважно. А стрелять лучше в лицо, разнести к чертовой матери эту

проклятую ненавистную рожу. Жаль, что нельзя растянуть удовольствие – убивать его долго, чтоб он помучился.

Да куда же подевался Гаврилов? Где его носит? Вдруг он сегодня вообще не придет? Ушел к своему другу Володьке пить пиво или остался ночевать у какой-нибудь женщины.

Пистолет раздобыть больше нигде. В магазине не купишь, а других знакомых с оружием у нее нет.

Что ж, нет так нет. Пистолет не единственное орудие убийства, хоть и самое надежное. Зато нож раздобыть не составит труд.

Нужен большой, с заостренным концом, прочным лезвием и тяжелой ручкой. Кажется, так. Такой лежит у нее на кухне в столе, но возвращаться в квартиру опасно. Ничего, нож – не проблема, его-то как раз можно купить в любом хозяйственном магазине. Интересно, сколько времени? Дома она так и не узнала, половину которого часа пробили на стене часы. Сколько времени прошло с тех пор?

О господи! Дура! Да ведь у нее на руке часы. Странно, что она забыла, ведь весь вечер до этого, пока торчала на рабочем празднике, смотрела на них, боясь опоздать к Мише.

И опоздала. Что было бы, приди она вовремя? Может, Мишенька остался бы жив. Не подстроено ли все это специально, чтобы ее задержать? Вадим не знаком с Баженовым, но как знать. Познакомился, вступил с ним в сговор, заплатил.

Нет, слишком сложная и опасная схема. Хотя... Кто он, этот Валерий Петрович? Судя по виду, бывший бандит. С таким договориться нетрудно. С чего это шеф вдруг стал к ней клеиться? Раньше он и внимания на нее не обращал.

А вот это Гаврилову как раз и можно было бы рассказать. Написать ему, что ли, записку, всунуть в дверь? Написать-то можно, но вдруг он все-таки здесь уже не живет, неизвестно, кто тогда ее найдет и чем все это может закончиться.

Кончится в любом случае одним – она убьет своего бывшего мужа. Купит нож и убьет. Воткнет его по рукоятку под правое ребро. Печень – самое уязвимое место для колюще-режущих орудий.

Жаль, что нет пистолета.

Но, кажется, и нож она прохлопала. Уже почти девять. Все хозяйственные магазины закрылись. Разве что в переходе работает какой-нибудь ларек. Но что там можно купить? Тупую турецкую дрянь, выдаваемую за итальянское изделие?

Да хотя бы и так.

Катя поднялась со ступенек, совершенно не рассчитывая на результат, позвонила напоследок в квартиру Гаврилова и пошла вниз.

На улице похолодало и поднялся ветер. Катя подняла воротник дубленки, засунула руки в карманы и, сообразив, в какую сторону двигаться, направилась к ближайшему переходу.

Магазинчик, торгующий хозяйственными принадлежностями, она нашла быстро, но он уже закрывался. Сердитая девушка подсчитывала что-то на калькуляторе и всем своим видом показывала, что рабочий день у нее закончился.

– С наступающим Новым годом, – заискивающе подступила к ней Катя.

– Закрыто, – буркнула продавщица, не клонув на ее заискивания.

– Простите, вы не могли бы... Мне очень нужно. Иду на день рождения к подруге, а подарок купить не успела. А у нее еще и новоселье, так сошлось вместе.

– Говорю же, закрыто.

– Ну, пожалуйста. Я давно присмотрела у вас этот набор, сначала себе хотела купить, да все не было денег, а сегодня... Моя подруга... Ей как раз такой нужен.

– Какой набор, о чем вы? Я уже кассу сдала.

– Итальянский. Ножи...

– Кто же дарит ножи? Купите коробку конфет. Ну, или, не знаю, духи.

– На духи у нее аллергия, а конфет и так будет много. Итальянский набор. Я ей даже почти обещала, намекнула, что... А если с наценкой? Чек вы могли бы завтра пробить. Мне очень-очень нужно.

– Ну, хорошо. Возьмите, – смягчилась продавщица. – Набор действительно отличный. У меня дома такой. Только он не итальянский, немецкий.

– Спасибо большое. – Катя сунула девушке деньги и спрятала ножи в сумку.

Ну что ж, первая часть плана прошла успешно – оружие она раздобыла. Тут ей повезло, а ведь могло все так глупо сорваться. Теперь из набора нужно выбрать подходящий нож и приступить к основной части. Вот только где выбрать, народу здесь тьма, почти как днем, идут сплошным потоком. А на улице темно.

Да что там! В Вадимовом подъезде и выберет.

Выйдя из перехода, Катя поймала такси (свидетели ей уже не страшны, все равно назад хода нет) и минут через двадцать была у дома, где прожили они с ненавистным мужем почти два года.

В подъезде было тепло, а главное, светло. Забившись под лестницу, Катя вытащила из сумки набор и распечатала упаковку. Пять ножей, единоутробных братьев, различающихся между собой ростом и телосложением, составляли набор. Выглядели они вполне внушительно, хоть и оказались не только не немецкими, но даже и не турецкими. «Made in China» стыдливо прикрывалось наклепленным сверху ценником. Ну и ладно, China так China, для ее целей сгодится.

Катя осторожно потрогала пальцем лезвие самого большого из братьев-убийц и осталась довольна – острое, гладкое и достаточно мощное – мечта домохозяйки, мечта мясника, мечта потрошителя тел. Рукоятка тоже под стать: с металлической пластинкой внутри, довольно тяжелая.

Пожалуй, на этом большом брате она и остановится. Остальные оставит здесь, прямо на полу под лестницей (улики ей тоже уже не страшны, раз назад нет возврата).

Ну а теперь...

Катя сжала в руке нож, прикрыла его полой дубленки и пошла к лифту.

Минут через десять все будет закончено. Жаль, конечно, что не удалось раздобыть пистолет. А впрочем, неважно, справится и так. Главное – точно рассчитать удар. У Вадима под правым ребром родинка. Вот в нее-то и нужно целиться.

Нет, он ведь будет одетым. В чем Вадим теперь ходит? В зеленой рубашке? В ковбойке? Или в черном свитере, в котором он демонстрировал свою смерть?

Лифт долго бродил по этажам: то шел вверх, то, не доезжая до первого, раскрывался где-то в промежутке. Может, сломался? Катя уже собралась подниматься пешком, но тут он наконец распахнулся, и она нос к носу столкнулась с Вадимом. Следом за ним вышел Игорь Гаврилов.

От неожиданности Катя разжала руку, нож выпал и с громким стуком ударился о бетонный пол лестничной площадки.

– Катя?! Ты? – В полной растерянности Вадим смотрел на нее. – Никак не ожидал тебя увидеть.

– Привет, Катюш. Что это ты холодным оружием мусоришь? – Гаврилов нагнулся и поднял нож. – Ого! Неплохой тесачок. Таким и убить можно.

– Ты ко мне?

– Я... Н-нет... То есть... Я лучше завтра, потом. – Катя повернулась и быстро пошла из подъезда.

– Подожди, – Вадим нагнал ее у самой двери. – Давай поднимемся в квартиру. Зачем-то же ты пришла. Спокойно поговорим, Игорь подождет внизу, если не хочешь при нем.

– Игорь? Нет. Дело не в этом, – потерянно сказала Катя. Она вдруг почувствовала такую усталость, что еле удерживалась на ногах. Ей захотелось сесть прямо на этот грязный цементный пол, закрыть глаза, зажать ладонями уши, никого не видеть и не слышать. Все должно было произойти не так, совсем не так.

– Ты что, Катюша, тебе плохо?

Плохо? Да он издевается!

– На тебе лица нет. Что-нибудь случилось? Пойдем ко мне, а? – Вадим несмело тронул ее за рукав. – У тебя какое-то несчастье? Ты так расстроена. Может, я смогу помочь? Мы с Игорем...

Игорь! Странно, откуда здесь взялся Гаврилов? И... Интересно, когда он здесь взялся?

– Стой здесь! – приказала Катя Вадиму и побежала назад к лифту.

Гаврилов деликатно стоял у мусоропровода и всем своим видом показывал, что он глух и нем, разговора бывших супругов не слышит.

– Игорь! – позвала его Катя. Гаврилов оторвался от созерцания стенки, кивнул и спустился вниз. – Скажи, ты с Вадимом давно?

– Что давно?

– Сегодня во сколько ты встретился с ним?

– А, часа в четыре. Я заезжал в «Меридиан» по одному делу, заодно, раз уж попал в его гостиницу, заглянул к Вадику.

– А потом?

– Да что случилось? Что за допрос с пристрастием?

– Мне очень нужно знать. Так что вы делали потом?

– Посидели немного в баре и сюда поехали.

– Значит, с четырех вы все время были вместе?

– Ну да.

– О господи! – Катя в изнеможении опустилась на ступеньку, привалилась спиной к стене и замерла. Гаврилов бросился к ней, крикнул Вадиму:

– Скорее, ей плохо.

Вадим влетел наверх, в два прыжка преодолев восемь ступенек. Оба они засуетились вокруг нее, как-то по-бабьи причитая и вскрикивая. Но все это Катя воспринимала словно в тумане.

– Господи, господа, – раскачиваясь, бормотала она, – а ведь я его чуть не убила.

Они обхватили с двух сторон Катину обмякшее, безвольное тело, ввели в лифт и повезли в их бывшую с Вадимом квартиру. Вадим то и дело с беспокойством заглядывал ей в лицо, озабоченно спрашивал, как она, один раз даже зачем-то приложил ладонь к ее лбу, словно проверял температуру. Но странно, его забота и близкое присутствие совсем не раздражали Катю. Наоборот, может быть, первый раз в жизни она ощутила что-то похожее на нежность и радовалась тому, что он рядом. Было и еще что-то, какое-то неясное до конца ей самой чувство.

Благодарность. Да, наверное, назвать это можно так. Она была благодарна Вадиму за то, что он оказался не виноват в смерти Миши, и за то, что она сама не стала убийцей.

В квартиру они вошли втроем, одновременно, еле протиснувшись в дверь. Игорь усадил Катю в кресло, Вадим побежал на кухню за водой, но вместо этого принес три бутылки пива, открыл их и подал каждому. Сделав большой глоток прямо из горлышка, он сказал:

– Ну, Катюш, рассказывай, что с тобой случилось. Мы... В общем, сама знаешь: если сможем, обязательно поможем.

Катя тоже отхлебнула из бутылки, закурила сигарету и хотела начать свой печальный рассказ о том, как обнаружила Мишу в спальне с простреленной головой и холодной мертвой рукой, но вдруг почувствовала, что просто не может, не готова произнести этого вслух.

И потому заговорила совсем о другом. Она расспросила Игоря, где он собирается отмечать Новый год, не думает ли жениться, не решил ли наконец бросить свою ментовскую деятельность (раньше Гаврилов часто жаловался на свою работу), с интересом выслушала его обстоятельные ответы.

Вадим нервничал. Он не мог себе объяснить столь неожиданный приход Кати, но понимал, что просто так, без какой-то веской причины она бы к нему не пришла, внимательно следил за ее лицом, за интонациями ее голоса и все больше начинал беспокоиться.

Гаврилов же разливался соловьем, не замечая нервозности Вадима и совершенно не верно истолковывая ситуацию. С Вадимом они тоже не виделись больше года, и Игорь был не в курсе их с Катей разлада, а сегодня узнал и очень расстроился. Теперь же он думал, что Катя вернулась и все у них наладится.

Они сидели уже около часа, болтали о том о сем, но Катя так и не могла приступить к главному. В конце концов Вадим не выдержал.

– Ладно, это все хорошо, – сказал он резко, перебив Гаврилова на полуслове. Тот рассказывал о каком-то лыжном походе, в который они собираются с Володькой на выходные. – Тяни не тяни, ничего не изменится. Тебе нужна моя помощь, пришла сюда ты за этим. Ну, так и давай, излагай. Я тебя внимательно слушаю.

Прозвучало это почти грубо, но Катя поняла, что Вадим просто за нее очень беспокоится, и опять почувствовала к нему благодарность.

– Ну, чего ты молчишь? Начинай! Боже мой, как ты меня мучаешь!

– Я... не за помощью к тебе шла, я...

– Не за помощью? За чем же тогда? – Вадим зло рассмеялся. – Ты никогда бы не пришла просто так, ты никогда не приходила ко мне просто так. Неужели сейчас могло что-то измениться? Внезапно почувствовала раскаянье, да? Решила вернуться? Зачем ты пришла? Я начал уже успокаиваться, а ты опять появилась. Зачем, зачем?

– Я пришла тебя убить.

– Что?! – Вадим резко затормозил, все это время он расхаживал по комнате взад-вперед. – Убить меня? Ты серьезно? С чего это вдруг?

– Я пришла тебя убить. И хотела украсть у Игоря пистолет, я ждала его дома. Откуда мне было знать, что он у тебя. А потом купила ножи в переходе.

– Господи, Катя, что ты несешь? Какие ножи?

– Обычный китайский набор, мне продали его за немецкий. Четыре остались под лестницей, а тот, который я выбрала, для того чтоб тебя зарезать, Игорь поднял у лифта.

– Подожди, я ничего не понимаю.

– Я думала, что ты... Миша... Его убили. Я думала, это ты.

– Убили? – Вадим растерянно посмотрел на Катю. – Как убили?

– В моей квартире, в спальне. Он лежал на кровати, я думала, спит и включила торшер. А потом... Вы не поверите, совсем крохотная ранка на лбу. – Катя истерически засмеялась. – Маленькая, аккуратная ранка – и смерть. Мы в Рим собирались. Самолет завтра утром. У меня и билеты с собой.

– Успокойся, Катюша, – Гаврилов взял ее за руку и легонько потряс. – Ну, приди в себя и расскажи все по порядку.

– Бред какой! – Вадим снова заходил по комнате, он и сам был почти в истерике. – Чего ты мучаешься и нас всех мучаешь?

До него не сразу дошел смысл ее слов. Кто убит? Почему? На кровати? В Катиной спальне? Наверное, он что-то пропустил в ее рассказе.

– ...Миша, Мишенька. Кто, кто мог его убить? Я не знаю, что делать, Игорь.

Теперь до него дошло, но Вадим не поверил. Надо же, как по заказу. Так не бывает. Михаил, этот блестящий преуспевающий тип, лежит с простреленной головой у Кати в

спальне? Но тогда... Счастье, счастье! Неужели все кончилось? Катя, его Катенька теперь вернется, навсегда вернется, а эту рыжую стерву он завтра же пошлет ко всем чертям собачьим.

Остановившись перед Катей с сумасшедшей, блуждающей улыбкой, Вадим вдруг заговорил, страстно, исступленно и совершенно не к месту:

– Ошибка! – Он схватил Катину руку и сильно, до боли сжал ее, не замечая этого. – Я всегда знал, что это ошибка. Ты просто на время сошла с ума, но теперь излечишься. Да и я чуть не совершил такую же ошибку. Я ведь тоже теперь... У меня тоже появилась... Мы познакомились... Нет, нет, не то! Не было никакого знакомства, все случилось вдруг, как только я ее увидел. Она... Я, как и ты, совершенно свихнулся... Эта женщина... Прости меня, Катенька. – Он поднес Катину руку к губам и поцеловал.

– О чем ты? Я не понимаю. – Катя отняла руку и в испуге уставилась на него. – Какая женщина? И при чем здесь какая-то женщина? Миша... его убили, а я хотела убить тебя.

– Ошибка! – Казалось, он не услышал ее, не заметил, что она отняла руку. – Он мертв. Слава богу! А теперь и я смогу с ней расстаться. Это сложно, Катенька, но я найду в себе силы. Знаешь, чем она меня взяла? Тем же, чем тебя этот твой Михаил. Видишь ли, она взрослая, мудрая женщина, во всех отношениях уже состоялась. Ты ведь, в сущности, еще совсем ребенок и такой скорее всего останешься всегда. Да и я по сравнению с твоим Мишей сопливый мальчишка. Но знаешь, что я тебе скажу? Вся эта их убеленная сединами мудрость, вся их состоятельность, вся их гиацинтовая красота – полная туфта! Ничего в этом нет. Я это понял потом, а тогда... попросту сбрендил. Два месяца я прожил как в бреду. Она...

– Да кто она? О чем ты вообще говоришь?

– Кто такая она? – Вадим горько рассмеялся. – Твоя замена, Катенька. Но ее бы не было, если бы ты не бросила меня ради своего Миши. Если бы ты знала, как я его ненавидел. И тебя временами. А хочешь, я тебе открою одну страшную тайну? – Он наклонился к Кате и зловеще усмехнулся. – Его действительно убил я.

– Что ты говоришь?! – Катя в ужасе отпрянула от него. – Ты убил?! Да нет, ты не мог. Игорь ведь все это время был с тобой.

– Ну, – Вадим опять усмехнулся, – я очень хотел, чтобы он подох, понимаешь? Вот его и убили. Неужели непонятно? Да нет, я в него не стрелял, просто... Уж слишком сильно я его ненавидел. И... Я знал, знал, что ты вернешься. Эта моя жен... ну, в общем, тоже ошибка, не могла бы тебе помешать. Мешал только он. И потому он не мог не подо... Его должны были убить. Я ждал тебя, ждал так, что ты не могла не прийти, никогда не прийти. Я на стенки лез. Этот спектакль с клоуном... Прости меня, дурака.

– Хватит! – Игорь, до этого молча слушавший поочередный бред двух расставшихся супругов, решительно поднялся со своего кресла и заговорил: – Все это эмоции, выяснять отношения будете потом, и без меня. А сейчас нужно решить главное. Вы оба, насколько я могу судить, попали в очень и очень неприятную ситуацию. Мягко говоря. Вы понимаете, что вас подставили? Да-да, вас обоих. А тебя, Вадик, в первую очередь. Да перестань ты бродить туда-сюда! – прикрикнул он на Вадима. – Перестань психовать, успокойся. Все очень серьезно. Подозреваемым номер один являешься ты.

– Ну если на то пошло, у меня алиби. Этот вечер я коротал не с кем-нибудь, а с подполковником милиции. Или ты собираешься этот факт не предавать огласке?

– Перестань! Шутка твоя неуместна. Конечно, я подтверждаю, что мы были вместе. С четырех часов дня. А до этого? Что ты делал до этого?

– Работал. Сидел в своем кабинете.

– Там еще кто-нибудь был?

– Нет, но... В три часа я выходил в... мне нужно было съездить в одно место, но... Так вот, в три меня видел швейцар, ну и, наверное, еще кто-нибудь.

– В три ты вышел, а во сколько вернулся?

– Да минут за пять до твоего прихода.
– Так. Понятно. Расскажи-ка мне все-таки поподробней, по какому делу ты ездил.
– Я бы не хотел сейчас, – Вадим покосился на Катю. – У меня была встреча. Она не состоялась, но...

– Значит, почти час тебя никто не видел?

– Не знаю. Наверное, нет.

– Плохо. Очень плохо. Вот это они и могут использовать. Я уверен, время смерти как раз совпадет, даже если его убили в пять вечера или в одиннадцать утра. Нельзя дать им возможность провести экспертизу. Труп нужно убрать. И спрятать.

– Куда убрать? – Катя в испуге посмотрела на Игоря. – Ты имеешь в виду... где-нибудь закопать в лесу?

– В лесу? Ну, нет! Я все-таки сотрудник милиции, допустить такого никак не могу. И потом, он нам еще понадобится.

– Кто понадобится? Что ты несешь?

– Труп. Пойми, убийство произошло в твоей квартире, значит, кто-то хотел не только убить Михаила, но и подставить тебя и Вадима, иначе бы его замочили где-нибудь в другом месте. Мы должны узнать, кто это сделал и зачем. Даже если мы уничтожим труп, они так просто от вас не отступятся, и вы не будете в безопасности. Если вас не смогут арестовать сейчас, то... либо снова подставят, либо отправят вслед за Михаилом. Я постараюсь раскрутить это дело, и тогда мне будут нужны доказательства. Вам долго объяснять все эти наши криминалистические заморочки. Вот тут-то мне и понадобится труп. Мы спрячем его, законсервируем, так сказать, до поры до времени.

– Где спрячем?

– Где? Надо подумать.

– В морге. У меня есть некоторые знакомства. – Вадим оживился. – Я могу это взять на себя. Только ты мне должен немного помочь. Поедем вместе.

– Там еще «Мерседес» у подъезда, – сказала вдруг Катя, – Мишина машина.

– Да? – Гаврилов задумался. – Машина не проблема, поставим к тебе в гараж, Вадик. Место найдется?

– Найдется.

– Хотя нет, к тебе ставить опасно. Ладно, пошли, времени у нас мало, боюсь, что и так могли опоздать. По ходу разберемся. – Игорь с Вадимом поднялись, почти синхронно затушили в пепельнице сигареты и направились в прихожую.

– А мне куда? – Катя тоже встала.

– Ты здесь оставайся. Дверь никому не открывай, на телефонные звонки не отвечай. Верхний свет выключи, оставь только настольную лампу. И шторы задерни. Ну все, пойдем, Вадим.

В прихожей вполголоса они переговорили о чем-то, оделись и вышли из квартиры. Хлопнула входная дверь. Катя осталась одна.

Она устало опустилась в кресло. Встреча с Вадимом, несостоявшееся покушение, разговор с Игорем, трагические события сегодняшнего дня настолько ее вымотали, что уже и сама Мишина смерть воспринималась словно сквозь какую-то преграду. Не было сил страдать, не было сил бояться, не было сил думать.

Катя долго сидела, уставившись в одну точку, без мыслей, без чувств. Плотные шторы на окнах скрадывали уличные звуки. Жуткая тишина стояла в комнате. Впрочем, уже давно наступила ночь.

«А ведь совсем не так должна была пройти эта ночь, – вяло подумала она, но не почувствовала боли, – в счастье и в радости, вдвоем с Мишей».

В какой-то момент Катя поняла, что засыпает, и, наверное, действительно на несколько минут задремала, во всяком случае, успела увидеть какой-то обрывок сна.

Чтобы не заснуть, она встала, прошлась по комнате. Скрипнувшая под ногой половица испугала Катю, и она опять уселась в кресло. И опять долго сидела, без чувств, без движений, без мыслей.

И тут зазвонил телефон. Катя вскрикнула и подскочила на месте. Этот, в общем-то, такой обычный, такой повседневный звук настолько испугал ее, что даже в глазах потемнело.

Немного придя в себя, Катя подумала, что неплохо бы сходить на кухню, взять бутылку пива, обычно у Вадима большой запас в холодильнике. Можно найти и на ощупь, не включая свет. Она приподнялась в кресле, чтобы пойти, но в этот момент отчетливо услышала, как кто-то вставляет ключ в замочную скважину.

Может, это уже вернулись Вадим с Игорем? Но нет, для них слишком рано.

Ключ повернулся в замке, дверь открылась, и кто-то тихонько вошел в квартиру.

Нет, это не они. Вадим не стал бы красться, заходя в свою собственную квартиру.

Дикий, непреодолимый страх овладел ею. Кате вдруг представилось, что это явился Миша, мертвый Миша, с простреленным лбом и холодной рукой. И он пришел сюда, чтобы обвинить ее, Катю, в своем убийстве. «Но ведь он же знает, что это не я его убила, ведь он же знает, – пронеслась у нее в голове истерическая мысль. – Зачем же тогда...»

Дверь в комнату стала медленно и бесшумно открываться.

Кате очень захотелось в обморок. Очень захотелось в смерть. Захотелось, чтобы дверь наконец открылась. Но дверь, приоткрывшись на четверть, остановилась. Тот, кто был по ту сторону, тоже замер.

Катя, не отрываясь, смотрела в образовавшуюся щель – чернота и ничего больше.

А может, там никого и нет? Просто ей показалось. И не было никакого шебуршания в замке, никто не входил в квартиру. Очень даже возможно. После того, что с ней сегодня произошло, небольшое нервное расстройство вполне закономерно. Но дверь... Сквозняк? С чего бы вдруг?

Наконец дверь окончательно решилась и отворилась полностью.

Никаких привиденческих трюков. В комнату вошла женщина. Вошла решительно и уже нисколько не таясь. Наверное, там, за полузакрытой дверью, она рассмотрела Катю, составила о ней свое мнение и поняла, как ей надо действовать. Верхний свет она включать не стала, ее тоже устраивал полумрак, недоразвитое освещение настольной лампы.

Женщина вошла и сразу заговорила, надменно и резко, словно Катя была ее провинившейся подчиненной.

– Вот, значит, как! Вадик у нас, оказывается, многостаночник. Только не говорите, что вы – его сестра, приехавшая из деревни Грушевки на новогодние праздники. Кто вы, мне и так понятно.

Катя ничего не ответила, но той ответ и не требовался, она говорила сама, делала выводы сама и явно хотела устроить скандал. «Какая неприятная особа! – подумала Катя. – Хотя внешне очень даже ничего себе: фигура, прическа, одежда – все более чем. Стильная, ухоженная и весьма недешевая женщина. Наверное, это и есть Вадимова гиацинтовая любовь, замена Кати, ее «заместительница», из-за которой у Вадима на какой-то момент съехала крыша, да так, что он даже от Кати на целых два месяца отступился. Что ж, его вполне можно понять. В такую можно влюбиться. И в качестве любовницы эта женщина любой даст сто очков вперед. Но жить постоянно с ней вместе невозможно. Слишком властная и, судя по всему, слишком стержовная».

– Ну, а где же он сам? За цветочками побежал? Или за водкой? – Она откровенно над ней издевалась, откровенно шла на конфликт, но Катя молчала, и скандала не получалось. – И как вы намерены действовать дальше, ввиду открывшихся фактов? Неужели смиритесь со мной,

как с параллельной линией нашего общего романа? Смиритесь, смиритесь, куда же денетесь. Разве что ограничитесь пощечиной неверному. А впрочем, это не мое дело, лично я терпеть вас не намерена, да и Вадик не является таким уж сногшибательным любовником, так что оставайтесь, дети мои, вместе, не буду разрушать вашей серенькой идиллии. Тут остались кое-какие мои вещи...

– Да, конечно, – Катя наконец разлепила губы и выдавила из себя хоть какой-то ответ. – Вы можете их забрать.

– Могу? – Женщина засмеялась. Смех был таким же надменным, резким и неприятным, как и ее голос. – Вот спасибо!

Она прошла в спальню. Скрипнула дверца шкафа, загремели металлические «плечики». На редкость идиотская ситуация. Катя чувствовала себя очень неловко, присутствие этой женщины тяготило и сковывало ее. Первый раз в жизни Катя испытывала ревность. Но, правда, раньше и не было никаких других женщин, кроме нее самой. А эта так свободно расхаживает по их с Вадимом квартире, так по-хозяйски роется в их шкафу, собирает с «плечиков» какие-то свои вещи. Как могут в их с Вадимом шифоньере храниться чьи-то чужие вещи?

Катя встала и пошла на кухню, чтобы не встречаться с женщиной, когда та закончит укладываться. Придерживаясь инструкций Игоря, свет зажигать она не стала. На верхней полке в первом от окна шкафчике когда-то стояла гелевая свечка в стеклянном бокальчике. Катя залезла на табуретку, на ощупь нашла ее, зажгла и, вытащив из холодильника баночку пива, устроилась на полу возле стола. Свечку тоже спустила вниз – занавески на кухне тонкие, с улицы пламя, отраженное в стекле, вполне может быть видно.

«А Вадим-то каков! – с ненавистью подумала Катя. – Строил из себя безутешного однолюба, а тут быстренько подсуетился, завел новую любовь. И как скоро! Но почему он не предупредил эту женщину, чтобы не приходила? Мог бы позвонить, придумать какую-нибудь отмазку. Раз она так по-хозяйски распоряжается в квартире, открывает дверь своим ключом, значит, может заявиться в любой момент. Должен же был Вадим предположить, что они встретятся. А может, специально не предупредил, рассчитывая, что новая пассия обидится и уйдет? Необязательная связь, от которой в любой момент можно избавиться?»

– Ну, вот что, милая. – Катя вздрогнула от неожиданности, она не слышала, как женщина вошла в кухню. – Дождаться его я не буду. Честно говоря, удивлена. – Женщина зло рассмеялась. В темноте Катя не видела ее лица, но почувствовала, что та, тоже ее не видя, с ненавистью на нее смотрит. – Передай Вадиму от меня привет и скажи, что ключи я ему возвращаю, мне они больше не понадобятся. – Она швырнула связку на стол. – Ну, счастливо оставаться.

Женщина повернулась и вышла.

Катя открыла новую баночку пива и закурила сигарету. Ужасная обида на Вадима настолько овладела ею, что даже Мишина смерть отошла на второй план.

Сволочь он, изменник, дешевый любовничек. Как мог он предать ее, завести кого-то еще? Где он вообще подцепил эту стерву? Но почему она, эта женщина, так легко сдалась? Просто собрала вещички и ушла, даже и скандала толком не устроила? Может, она тоже никогда не любила Вадима, может, и ее Вадим раздражал? Бедный, бедный, никому-то он не нужен. Ну что ж, так ему и надо, предателю.

Затушив только что прикуренную сигарету, Катя взяла с собой банку пива и вышла из кухни.

Дверь хлопнула. В прихожей зажегся свет. Вернулся Вадим.

– Как все прошло? – Катя с тревогой посмотрела на бывшего мужа.

– Все нормально. Только машину, ну, его «Мерседес», пришлось поставить в мой гараж, у Игоря не вышло так, как он думал. А с трупом... прости, с телом... с Михаилом... В общем, все хорошо. Я смог договориться в морге, у меня там чуть ли не лучший друг.

– Лучший друг? Кто это?

– Да ты не знаешь. Лучший друг – это я так фигурально выразился. Я имел в виду, что удалось хорошо договориться. Правда, Игорь считает, что влипли мы капитально, и пока просто не представляет, кто бы мог его... ну, убить.

– А ты?

– Я? Что ты имеешь в виду?

– Да ничего, просто...

– Ты все еще меня подозреваешь?

– Не знаю... Наверное, нет.

– Я его не убивал, – твердо проговорил Вадим. – И ты должна мне поверить. Иначе...

– Что – иначе?

– Иначе тебе будет очень трудно. Жить теперь какое-то время придется тебе у меня.

– Думаешь, это самое безопасное место? Новое убежище?

– Не думаю. И Гаврилов так не считает. Но домой возвращаться тебе нельзя. И в бега подаваться тоже. Это не я решил, а Игорь.

– И сколько все продлится?

– Гаврилов говорит, что нужно распутать это за те семь дней, пока вы якобы в Риме. Неделю, по крайней мере, ни родственники, ни знакомые вас не хватятся и на работе не потеряют.

– А он успеет?

– Не знаю. Тебя очень тяготит, что придется жить со мной?

– Ну... в общем, не особенно радует такая перспектива. Кстати, тут к тебе приходили.

– Кто приходил? – Вадим встревожился. – И ты открыла? Мы же договаривались...

– Она сама открыла, своими ключами. – Катя с вызовом посмотрела на него.

– Раиса?

– Откуда мне знать. Она мне не представилась. А что, у тебя их несколько?

– Зачем ты так? Я... Ты сама виновата. Если бы... Это ты меня бросила, ради своего...

– Он умер. Его убили, – жестко сказала Катя. – И еще неизвестно, кто это сделал.

– А чего она хотела? – перевел разговор Вадим.

– Кажется, она от тебя ушла. Вещи свои забрала и ключи оставила, они на кухне. Увидела меня здесь и решила тебя бросить.

– Это плохо. – Вадим вытащил сигарету из пачки и долго в задумчивости разминал ее между пальцами. – Очень плохо.

– Бедный, все-то тебя бросают. – Катя зло засмеялась, но Вадим не обратил внимания ни на ее слова, ни на смех, он все разминал и разминал сигарету.

– Плохо, что она тебя здесь видела. Вообще плохо, что тебя кто-то видел, а она особенно.

– Мне кажется, она не очень-то меня разглядела. Было довольно темно. Лично я ее где-нибудь на улице так и не узнала бы. Разве что по голосу. Ну, или если бы она была в той же одежде и с той же прической. Черты лица я совершенно не рассмотрела, так, общий силуэт.

– А о чем вы разговаривали?

– Мы и не разговаривали, в основном она вещала. Эта женщина приняла меня за твою очередную любовницу, оскорбилась сему факту и тут же побежала вещички собирать. Ты, кстати, мог бы ей и позвонить, сказать, чтобы не приходила. Знал же, что у нее ключи и в любой момент может припереться. Не слишком-то приятно было с ней общаться.

– Прости, я не подумал. Сегодня она не должна была прийти.

– А, разгрузочный день? У вас все по графику? Она знает, что у тебя есть жена?

– Нет, наверное. Я ей об этом не говорил.

– Ага! Холостяка из себя строишь! – Катя схватила Вадима за руку и притянула к себе. – Кольцо снял. И чего это ты так переживал, что я от тебя ушла? Вон как быстро освоился со свободой и независимостью.

– Ты что, Катюш, ревнуешь, что ли? – Вадим довольно рассмеялся. – Вот уж никогда не думал, что ты станешь меня ревновать.

– Ничего я не ревную, просто противно.

– Да ладно, не сердись. Пойдем кофе, что ли, выпьем, утро уже. – Он посмотрел на часы. – Ого, полседьмого! Мне к восьми на работу.

– Ты уходишь опять?

– А ты бы не хотела?

– Да нет, просто... Одной как-то жутко. И эта твоя женщина... Знаешь, она мне очень не понравилась, удивительно неприятная особа, – злорадно сказала Катя. – Наверное, помыкает тобой как хочет.

– Что есть, то есть. – Вадим улыбнулся.

– А тебе и нравится.

– Ничего мне не нравится. Кроме... кроме того, что ты меня к ней ревнуешь. Знал бы раньше, давно бы себе любовницу завел.

– Дурак!

– Вовсе нет. Ладно. Вари пока кофе, а я ванну приму. Все на своих прежних местах. Как было при тебе. И не сердись ты так. Хотя... лучше сердись.

Катя неопределенно хмыкнула и отправилась на кухню. Вадим закрылся в ванной. Довольно долго, с полчаса, не меньше, он там плескался. Несколько раз принимался напевать что-то, но сам себя обрывал, соображая, что ситуация все-таки, несмотря ни на что, трагичная и пение его неуместно. Вышел из ванны он свежим и бодрым, никаких следов бессонной ночи на его лице больше не просматривалось. Вообще выглядел он очень счастливым и довольным жизнью.

Катя разлила по чашкам кофе, и они уселись за стол.

– С добрым утром, Катенька! – сказал Вадим, все так же светясь от счастья.

«А ведь он вполне мог убить, – снова подумала Катя. – Слишком уж ему выгодно».

– Ты, когда я уеду, ложись спать. Больше никто не должен тебя потревожить. Раиса, я думаю, никогда уже не придет. И... Все будет хорошо, Катюша, – проговорил он вдруг быстро и как-то виновато. – Я тебя в обиду не дам. И Игорь не даст, он защитит нас обоих.

Катя ничего не ответила. Они молча допили кофе, Вадим собрался и ушел на работу. Катя вымыла чашки, убрала в шкафчик коробку с кофе и отправилась спать.

«Мог он убить, еще как мог», – засыпая, подумала она.

Часть II

Глава 1

Он не был убийцей. Он, Евгений Ильин, был поэтом. Плохим, бездарным поэтом, но не убийцей. То, что произошло потом... Во всем была виновата она, эта ужасная женщина.

О том, что стихи его так себе, Ильин узнал случайно. До шестнадцатилетнего возраста Женя пребывал в счастливой уверенности, что поэт он от бога и что вот-вот настанет утро, когда он проснется знаменитым. Невероятная слава ждала его впереди. Он засыпал и просыпался в ожидании этого прекрасного утра. Женя писал, писал, писал по несколько стихотворений в день и ощущал свою гениальность.

Пока, правда, печатать его не спешили. Даже журналы ни разу не взяли, даже забытые газетенки. Но это ничего, все будет, очень скоро будет. Женя свято верил в то, что наступит его звездный час, и наконец дождался.

Откуда ж ему было знать, что все закончится полным провалом и... И полным провалом.

Но в тот день он, конечно, ни о чем таком не догадывался и был счастлив, безмерно счастлив.

Городское молодежное литобъединение «Дельтаплан» проводило конкурс юных дарований. Женя услышал об этом случайно: по местному каналу прошла реклама.

Он никогда не смотрел местный канал, да и телевизор-то включал редко. А тут не пошел в школу (легкая простуда, но вполне убедительная отмазка), решил сотворить очередной шедевр, но шедевр с третьей строчки вдруг закапризничал и рассыпался. Послонявшись бесцельно по квартире и не найдя никакого применения своим отупевшим от насморка мозгам, Женя набрел на телевизор. Что ж, в его состоянии вполне можно посмотреть какой-нибудь не слишком обременительный для интеллекта фильм. Ничего подходящего не оказалось – везде шли новости и нудные политические передачи. И только на четвертом канале в виде исключения пустили нечто более-менее приемлемое. «Новые приключения неуловимых». Конечно, не фонтан, но за неимением лучшего...

Женя принес подушку и плед, с комфортом устроился на диване. Приключения мстителей его не захватили, и минут через двадцать он даже почти задремал, но тут фильм прервали рекламой. Той самой, о конкурсе.

Вот оно. Настало. Дождался. Стартовая линия, начерченная мелом на асфальте. Женя всегда знал, что такая линия существует, лично для него существует, но только не предполагал, где она находится, и потому ошибочно тыкался не в те инстанции. А теперь, стоит только разбежаться, и он помчится вперед с бешеной скоростью, обгоняя всех, устремляясь в объятия великой славы. Без сомнения, к финишу придет он первым. И это только самый начальный этап. В дальнейшем же...

Сон тут же слетел, и Женя бросился строчить автобиографию (по условиям конкурса без этого не принимали стихи на просмотр) и отбирать свои лучшие творения. Таковых оказалось гораздо больше, чем требовалось, и юный гений никак не мог определить, которые отсеять: «Я не успею вам подать манто»? «И отражает лунный свет»? «Я просто глупый, смешной графман»? Нет, эти три должны быть обязательно. И «Доска. На ней фигуры» нельзя выбросить. А это?

Я никогда не попаду в комнату, где меня обсуждают,
Не увижу людей, про меня говорящих,
Что в дождь он надевал шляпу и шел в гости.

И дом, в который меня впускали, наполнялся серой сырой ночью,
Ковер пил влагу моих ботинок,
Огонь обещал тепло, жег пальцы.
Я никогда не носил шляпу,
И если во мне просыпался голод по теплым лицам,
Я сочинял комнату, в которой меня обсуждают,
И людей, про меня говорящих, что в дождь он надевал шляпу и
шел в гости.

Вот это, пожалуй, самое лучшее. Первым его и надо дать. Набрать чуть крупнее других, так, чтоб оно сразу бросалось в глаза. Может, картинку какую-нибудь к нему подобрать? Нет, картинка – лишнее. А вот название... Надо придумать название. Особенное название. Все остальные стихи не называются никак, идут по первым строчкам, а этому обязательно нужно дать имя. Но только какое? «Одиночество»? Избито до отвращения. «Поэт»? Почти штамп. «Сиротство»? Господи, ну и пошлость! А если...

Женя схватил со стола тетрадку, первую попавшуюся из стопки, и вывел маркером печатными буквами: «Непойманный дождь».

Лучше и не придумаешь. Кажется, ничего подобного в поэзии еще не было. И, наверное, никогда не будет.

Женя собрал рассыпавшиеся по полу листы со стихами, аккуратно сложил их и пошел досматривать фильм. Стихи он решил послать все, ничего не отсеивая, пусть сами там, в комиссии, разбираются, а он просто не может выбрать.

...Второе место! Нет, он, наверное, ослышался! Быть не может! Как? Почему второе? Десятое, пятидесятое, сотое – не поняли, не оценили, но второе? Как такое возможно?! И... кто же тогда занял первое?

– Награждение победителей в конференц-зале в Доме печати в десять утра пятнадцатого.

– Февраля? – Голос сорвался, задрожал, пальцы, сжимающие трубку, дурацкую телефонную трубку, сделались какими-то мокрыми, капли просочились между ними и затекли в ухо.

– Февраля, конечно. Белая рубашка, черные брюки. Просьба не опаздывать. Еще раз примите наши поздравления, Евгений. Всего доброго. – Официальный, равнодушный голос ушел из трубки, уступив место гудкам.

Награждение победителей. Каких победителей? Победитель мог быть только один – он, Евгений Ильин. И не просто победитель, а триумфатор. Даже первое место его не устроило бы, если бы оно было только первым и не принесло триумфа, но второе? Это какая-то ошибка, перепутали в списках.

Нет! Его перепутать не могли, он не просто лучший, он единственный, он гений.

Хлопнула дверь – мать пришла. Зачем она пришла раньше? Отпросилась с работы специально, чтобы поскорее узнать о его провале. Начнет сейчас утешать. Невыносимо!

Пока моет руки, попробовать проскользнуть в дверь? Не удастся. И потом, наступит же вечер, все равно придется возвращаться домой и выслушивать ее утешения.

Идет, идет. Толстая, примитивная дура, ходит, как бегемотиха, аж пол дрожит.

– Женечка? Ты дома? – А то она не знает, что он ждет звонка. – Ну как, еще не звонили?

– Звонили.

– И что, что? – Ладонь прижала к своей жирной груди, глаза выпучила, интересно ей узнать. Какая же она некрасивая!

– Ничего.

– Как? Совсем ничего? – Сейчас расплатится, а потом потащится в магазин покупать ему торт в утешение. Сама же половину и сожрет.

– Второе место.

– Второе? – не верит. Наверное, она считала, что ее сын победитель. Самомнение у нее, однако! – Господи! Женечка! Слава богу, а я так боялась! Умничка моя! Солнышко. – Сгребла ручищами, притянула к своим отвратительным пухлым подушкам, настоящее вымя, а не грудь. И какая толстая, красная у матери шея. – Мой маленький поэт! Это твоя первая серьезная победа. Надо же, второе место. Поверить не могу! Это такая радость, такая радость!

Она что, действительно радуется? Дура! Как может она радоваться, когда...

– Подожди, я позвоню Надежде Васильевне. Сейчас, Женюля.

– Кому?!

– Надежде Васильевне, твоей учительнице, она тоже переживала за тебя. Да мы с ней вообще часто перезваниваемся, Надежда Васильевна почти все твои стихи наизусть знает.

– Ты что, мама, давала ей мои стихи? – Да она совсем ничего не соображает? Дать литераторше его стихи! То-то Надежда так странно на него...

– Да, я даже сама перепечатала. А что, нельзя было? Тебе это неприятно? Напрасно. Для чего же писать, если держать это в тайне. Стыдиться нечего, стихи хорошие, вот видишь, второе место занял.

– Но Надежде-то зачем было давать?

– Надежда Васильевна – учительница литературы. Кстати, она предлагала тебе помочь, посоветовать, говорит, у тебя не всегда точная рифма и тавтологии много. Или... как же она сказала? Не помню. Надежда Васильевна согласна с тобой заниматься после уроков. Совершенно бесплатно, потому что считает тебя талантливым.

– Да что она может считать! Господи, мама! Ну что ты вечно лезешь, куда тебя не просят? Дать мои стихи этой идиотке!

– Женя, Женечка, как ты можешь так говорить? Надежда Васильевна...

– Дура она! И ты дура! Ты мучаешь меня, мучаешь!

– Женечка! Что ты, что ты, Женечка! – Опять эта душная грудь и толстая красная шея, ее руки у него на затылке, сжала плотным кольцом – не вырваться. – Ну что же ты плачешь? Такая радость у нас, а ты плачешь. Тише, тише, мой маленький. Ну куда ты, куда?

Умереть – единственный выход. Закрыться в своей комнате, придвинуть шкаф, кровать, стол и как-нибудь умереть. Второе место. Бездарный поэт, полный ноль, ничтожество. Нельзя жить таким никаким и при этом быть поэтом. Рожаться нельзя никаким поэтом. Таких, как он, нужно уничтожать при рождении. Либо гений, либо откровенное быдло – а иначе только мучиться.

Умереть, скорее умереть. Но сначала нужно уничтожить свои бездарные стихи. Творческий импотент, вот он кто.

Награждение победителей! Победитель может быть только один, остальные должны подохнуть.

Женя забаррикадировал дверь в свою комнату и набросился на рукописи. Плотная финская бумага не желала разрываться стопкой. Приходилось каждый лист уничтожать отдельно. Хорошо бы все это поджечь, разом избавиться, но нет спичек, а идти на кухню – значит снять баррикаду, мать вбежит в комнату, начнет вырывать рукописи, грудью встанет за компьютер. До компьютера он еще доберется. Уничтожать надо все, чтобы и следа не осталось от гадостных его стишков. Да с чего он вообще решил их писать? Когда это все началось?

– Женечка,пусти меня. Зачем ты рвешь бумагу? Я не буду звонить Надежде Васильевне.пусти меня, Женечка.

Шесть лет. Да, ему тогда было шесть. Пошел снег, самый первый, осенний крупный снег. Он сидел на подоконнике и смотрел, как снежинки летят откуда-то сверху, долго-долго летят, но как только столкнутся со стеклом, сразу же умирают. Там еще фонарь горел. На фонаре они тоже умирали и на асфальте умирали. Вся их жизнь – это пока они летят. Он тогда вдруг

понял, что тоже умрет, как эти снежинки, не так скоро, но все равно умрет. Он знал об этом раньше, но не понимал, а теперь понял. И хотел закричать от страха или заплакать от обиды и несправедливости, но вместо этого... Спасла его строчка, нет, две строчки. Они возникли ниоткуда, просто родились в голове:

Я – снежинка, таю, таю —
Умираю, умираю.

Сразу стало легче. Кошмар кончился.

Тогда, как и сейчас, первой с работы вернулась мама. Он прочитал ей эти две дурацкие строчки, просто так прочитал. А она пришла в восторг, стала кричать, что он поэт, потом бросилась кому-то звонить.

Да, с этого все и началось.

Но больше не будет! Никогда он не напишет ни одной строчки! Никогда.

– Женя, открой! – Отец. Вот сейчас и нужно грохнуть компьютер. Папочкин подарок. «Твори, сынок, ты наша надежда, наша радость!» Сволочи! Что они с ним сделали! Он был ребенок и ничего не понимал, но они-то должны были увидеть, что стихи его – самая заурядная дрянь. Второе место. И на конкурсе мудаков...

– Женя, ты меня слышишь? Немедленно открой!

Выбросить компьютер в окно? А лучше вместе с ним выброситься. Да, да, самый простой способ – седьмой этаж – и все.

Женя подбежал к окну, дернул шпингалет, рванул на себя раму. Но тут под натиском отцовского грузного тела баррикада не выдержала и поехала в сторону, освобождая проход.

Успеть было можно, но в последний момент Женя испугался и отступил от окна. Отец бросился на него и повалил на пол, следом протиснулась в комнату мать.

– Илюша, он хотел выброситься из окна, хотел!

Отец схватил его за шиворот, потряхнул и поставил на ноги.

– Что это ты надумал? Мать довел чуть не до обморока.

– Это я, я виновата. Нужно вызвать «Скорую». Мальчик перенес нервный стресс.

– Обойдется, я сам приведу его в чувство. – Отец снова с силой встряхнул его и бросил на кровать. – Мебель поставишь на место. Придумал, сопляк! Да я тебя сам убью, если жить надоело. Пойдем, Тамара. – Отец повернулся к матери, легонько подтолкнул ее к двери. – Пойдем, пойдем.

– Нет, я побуду с Женей. Мало ли что? И все-таки надо вызвать «Скорую».

– Как хочешь. Разбирайся с ним сама! Черт с вами!

Отец вышел, в ярости пнув по дороге тумбочку. Мать села на кровать, наклонилась к Жене.

– Ну что ты, мой маленький? Успокойся, из-за чего ты так расстроился? Ведь все хорошо. – Она погладила Женю по голове и почти улеглась на него своей грудью. – Я думала, мы устроим праздник по случаю твоей победы, пригласим бабушку, и тетю Таню, и Надежду Ва...

– Оставь меня в покое, оставь! Чего ты пристала ко мне со своим конкурсом? Да я и не участвовал ни в каком конкурсе! Не нужен мне этот дурацкий конкурс!

– Зачем ты обманываешь? Я же сама отправляла. И я просто не понимаю, почему ты так реагируешь. Второе место...

– Замолчи! Ты убьешь меня, убьешь!

– Очень почетное место, большая победа. Когда награждение?

– Я не пойду, не пойду. И никогда, никогда, слышишь? Никогда больше не напишу ни строчки.

Белая рубашка и черные брюки – наряд покойника. Все правильно, все так и должно быть, он и есть покойник. А этот их конференц-зал (какой шутник назвал эту душную комнатенку, едва ли больше тридцати квадратных метров, гордым «конференц-зал»?) – крематорий: здесь будет сожжен самый бездарный на свете поэт – Евгений Ильин, здесь его бездарность приобретет официальный статус: через пару минут объявят во всеуслышанье о его втором месте, объявят и вручат документ – почетную грамоту придурка. Получить такую грамоту – все равно, что с медалью закончить дебильную школу. Интересно, у них бывают медалисты?

Но перед этим он увидит истинного победителя. Для того сюда и пришел.

Победителем может оказать кто угодно: и этот мальчик его возраста справа, и этот взрослый мужик, ему, наверное, лет двадцать пять, не меньше, слева, и любой из тех ребят на передних рядах.

А пока награждали прозаиков. Выходили один за другим пришибленные уроды мужского и женского пола, получали цветок, грамоту и что-то еще: то ли деньги, то ли какие-то билеты. Старая усатая тетка называла фамилии, жала руку вновь прибывшему на сцену, фальшиво улыбалась и всучивала всю эту дребедень. А они, награжденные, были безмерно счастливы, благодарили за что-то тетку и, повернувшись к залу, наверное, от избытка радости, зачитывали куски своих шедевров.

Неужели и ему придется читать свои стихи? Его не предупредили об этом. Так нечестно!
– Алексей Гринберг.

Мальчик справа поднялся. Он и есть победитель. А по виду и не скажешь: вполне заурядная внешность. Может, это ошибка? Может, просто пристрастность комиссии? Как мог этот серый мышонок, этот лопухий недоделанный мальчишка написать что-то лучше, чем его, Женин, «Непойманный дождь»? Лыбится, рот до ушей, радуется. Ну конечно, это ошибка. А он-то чуть жизнь самоубийством не кончил, со стихами решил порвать. Посмотрим, посмотрим, что этот мозгляк накропал. Наверняка какую-нибудь муть.

– ...ученик десятого класса пятьдесят четвертой школы. У Алексея вышло уже два сборника стихов в издательстве «Родник», готовится третий.

Два сборника? Вот как! Может, тогда не муть.

Мальчик повернулся к залу лицом. Сейчас начнет читать. Посмотрим, посмотрим.

...Стихотворение называлось «Дождь». Просто дождь, без всякого эпитета. Да никакой эпитет его дождю и не требовался, он и так был осязаемо живым и трагически-самодостаточным. Женя это понял с первой строки. А потом...

Удивительно, что он смог дослушать стихотворение до конца и не умереть. Удивительно, что зал смог дослушать стихотворение до конца и не умереть. Удивительно, что Алексей смог дочитать стихотворение до конца и не умереть.

Но все они выжили. И даже свет не погас в зале, бесполезный свет забытой люстры, и даже зимнее солнце продолжало светить за окном, и воздух не распался на атомы, и старое здание Дома печати устояло на своем фундаменте, а эта усатая тетка на сцене не сорвала с себя одежды и не упала под ноги прекрасному юному гению.

Это было неправильно, жестоко и несправедливо: чудо не смогло породить новое чудо. А еще более жестокими, неправильными и несправедливыми были аплодисменты, которые вдруг грянули после минутного замешательства и смяли чудо. Мальчик снова стал мальчиком, а его священнодействие на сцене оказалось низринутым до уровня обычного конкурсного стихотворения.

Усатая старуха стерла платком слезу, улыбнулась Алексею и, похлопав его по плечу, проводила к спуску со сцены: иди, дорогой, не задерживай очередь, у нас еще целый список таких, как ты.

Алексей поклонился и сбежал по ступенькам.

Следующим номером программы был он, Евгений Ильин. Зал ждал продолжения чуда, ну или чего-то приближенного, на втором месте от чуда.

Женя встал, осмотрелся кругом. Участники конкурса, им сочувствующие, организаторы этого сборища – все ему улыбались, они готовы были принять его, даже если он не оправдает их ожиданий, а усатая подбадривающе кивнула, приглашая на сцену. Не подняться нельзя было, вот этого-то ему как раз не простили бы. Женя двинулся по ряду. Но в проходе у двери стоял Алексей. Он держался за ручку, будто раздумывая: уйти или остаться здесь.

Женя сделал шаг к сцене, но вдруг повернулся и бросился из зала, почти оттолкнув от двери Алексея.

В холле в кресле у столика сидела какая-то женщина в очках с толстыми стеклами и курила длинную черную сигарету. Чем-то она отдаленно напоминала Алексея Гринберга. Может, тоже гениальная поэтесса, тоже чудо, только взрослое.

Женщина внимательно посмотрела на Женю, положила сигарету в пепельницу, поднялась и спросила:

– Ты из конференц-зала? Неужели все кончилось? Так быстро?

– Н-нет. Не кончилось.

– Но тогда почему ты ушел? – Женщина усмехнулась и опять внимательно на него посмотрела. Взгляд ее был неприятным и каким-то пронизывающим. Кажется, она видела его насквозь и прекрасно понимала, почему он ушел раньше времени.

– Я... – Женя хотел придумать какую-нибудь нейтральную отговорку, но ничего не вышло. – У меня...

– Бедный мальчик! Садись, – она кивнула на другое кресло, напротив. – Будем ждать вместе. Скоро должно закончиться. Я пришла с братом. Сегодня его награждают. Да, впрочем, не только сегодня, его всегда награждают, – женщина почему-то зло засмеялась. – Алеша Гринберг. Ты о нем, наверное, слышал. И скорее всего читал. Алешка – поэт модный, на гребне, так сказать. А ты у нас кто? Тоже поэт?

– Я... Нет. Я просто так.

– Что же тогда ты делаешь здесь, мальчик Просто Так? – Женщина опять засмеялась.

Женя ничего не ответил. Он сидел, низко опустив голову, стараясь не встречаться взглядом с ней, и мучительно думал, как бы уйти. Ему хотелось поскорее остаться одному. Ему просто необходимо было остаться одному! Для того чтобы прокрутить в себе это новое, неизведанное, необъяснимое, но необыкновенно сладостное ощущение, наверное, в чем-то неприличное, запретное ощущение, пока оно не затерлось, пока оно свежо и ярко. Что это такое, Женя не смог бы объяснить, он не знал ему названия, он никогда раньше ничего подобного не испытывал и даже не до конца понимал, отчего именно это ощущение возникло: от стихотворения, которое прочитал Алексей, или от самого Алексея.

Женщина опять о чем-то спросила (он не понял, о чем) и опять засмеялась. Она все спрашивала и смеялась, смеялась и спрашивала, а Женя мучительно изыскивал предлог, но ничего подходящего не придумывалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.